

0+ АЛИШЕР ТАКСАНОВ
АЗИЗА ГЕРГЕЛ

Как баклажан в суп попал

Алишер Таксанов

Как баклажан в суп попал

«Издательские решения»

Таксанов А.

Как баклажан в суп попал / А. Таксанов — «Издательские решения»,

Сборник сказок для детей младшего возраста. Девочка-непоседа Дильфуза ищет свой дневник, а мальчик Камран стал невидимкой, чтобы проказничать. Бегемот Жора всегда голодный, а скрипач Струнка при помощи скрипки защитил свой город от захватчиков. В Чемоданной стране живут портфели, ранцы, сумки и портмоне — и это тоже интересно и весело.

© Таксанов А.

© Издательские решения

Содержание

КАК БУКВА «А» УБЕЖАЛА ИЗ БУКВАРЯ	6
ПОДВИГ БЕЛОГО ЦЫПЛЕНКА	9
КАК БАКЛАЖАН В СУП ПОПАЛ	12
КАК СЛОН ХОДИЛ В ТЕАТР	16
СКАЗКА ПРО ЧЕРНЫЙ КАРАНДАШ	21
ДИЛЬФУЗА И ЕЕ ДНЕВНИК	25
ДЛИННЫЕ НОГИ И ПИРОЖНАЯ МАСТЕРИЦА БОЛОТ	44
СКАЗКА О ГОРДОЙ КЛУБНИЧКЕ	54
ПРО ВОЛШЕБНЫЙ ГОРШОЧЕК И РАЗБОЙНИКОВ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Как баклажан в суп попал

Алишер Таксанов

Азиза Гергел

Редактор ChatGPT

Иллюстратор ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2026

© Азиза Гергел, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-1210-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАК БУКВА «А» УБЕЖАЛА ИЗ БУКВАРЯ

Жила-была в букваре первоклассника Пети буква «А».

Букварь у Пети был большой, с яркой обложкой, на которой были нарисованы улыбающиеся зверята и разноцветные буквы. Страницы в нём пахли свежей бумагой и чуть-чуть краской, а на каждой из них жили слова, картинки и короткие сказки. Буквы там были аккуратные, ровные, будто стояли на линейке, и каждая гордилась своим местом.

А сам Петя был мальчиком весёлым, но немного неусидчивым. У него были растрёпанные светлые волосы, вечно испачканные чернилами пальцы и любопытные глаза. Он любил играть больше, чем учиться, но всё равно старался — правда, не всегда внимательно.

В этом букваре жила буква «А». Она была самой первой, важной и немного строгой, но доброй. Она помогала другим буквам составлять слова и предложения, и благодаря ей Петя читал много интересных сказок и историй.

Но однажды школьник огорчил букву «А» — он неправильно её написал.

— Но это же не я! — воскликнула буква «А», когда мальчишка нарисовал какую-то закорючку. — Я вовсе не такая.

— Какая разница! — усмехнулся Петя и дорисовал букве язык и рожки. — Теперь ты будешь такая совсем смешная — с рожками и большим языком! Ха-ха-ха!

За это буква обиделась на Петю и убежала из книжки. Но первоклассник лишь посмеялся и сказал, что проживёт и без неё.

— Иди! Иди! — крикнул он ей вслед. — Можно подумать, что без какой-то буквы весь мир пропадёт!

Но Петя сильно ошибался.

Уже на следующий день он в классе не смог прочитать ни одного предложения, так как там не было буквы «А». Слова стали странными и непонятными: «м...ш...» вместо «маша», «п...п...» вместо «папа». Даже слово «букварь» будто рассыпалось — в нём зияла пустота, и читать его было невозможно. Буква «А» исчезла, и вместе с ней исчезли ясность, звучание и смысл.

А дома Петя попытался позвать родителей, но ничего у него не вышло. У него получалось только «м-м» и «п-п». Оказалось, что без буквы «А» нельзя произнести слова «мама» или «папа», а также много других слов. Получалось, что школьник только мычал и фыркал, словно маленький потерянный телёнок, потому что без самой первой буквы у него не строились ни предложения, ни мысли.

— Я ничего не понял! — рассердился учитель, когда вызвал Петю к доске.

Учитель был строгий, высокий, с аккуратной бородкой и очками на носу. Он всегда говорил спокойно, но когда сердился, его голос становился громче, а брови хмурились.

— Вот почему Гуля или Оля читают нормально, а ты что-то мычишь? Читать разучился? Двойка тебе!

Тогда Петя понял, что был неправ и что нельзя так поступать. И пошёл искать букву «А».

Вначале он спросил у других букв, не видели ли они её. Но буквы только развели своими тонкими палочками и кружочками. Кто-то шептал, кто-то вздыхал, а некоторые выглядели растерянными — ведь без «А» и им было трудно складываться в слова.

— Она нам ничего не сказала, — печально сказала буква «Б», которая всегда была второй, а теперь, хоть и стала первой в Петином букваре, чувствовала себя не на своём месте. — Она сильно обиделась на тебя, Петя. И тебе нужно попросить у неё прощения.

— Но где же я найду её?! — воскликнул школьник, которому было очень стыдно. — Я так виноват перед нею...

— Сходи туда, где много книг, — посоветовала ему буква «В».

Петя пошёл в школьную библиотеку. Там было тихо и уютно. Высокие стеллажи тянулись до самого потолка, книги стояли ровными рядами, а в воздухе витал запах старых страниц и знаний. Свет из больших окон падал мягкими лучами, и казалось, что сами буквы там живут своей тайной жизнью.

И действительно — в одном из уголков он нашёл букву «А». Она сидела с другими буквами и рассказывала им смешные истории, и все вокруг смеялись.

Первоклассник подошёл и тихо сказал:

— Прости меня, пожалуйста... Я больше никогда не буду тебя обижать. Я буду писать тебя правильно и аккуратно.

— Я понял, что нельзя так поступать с буквами и словами, — добавил он.

Буква «А» посмотрела на него внимательно, потом улыбнулась.

— Хорошо, Петя. Я вернусь. Но помни: каждая буква важна.

И вскоре Петя снова хорошо произносил все слова и предложения. Он усвоил, что без букв трудно прожить.

А потом случилось вот что. В тот же вечер Петя аккуратно открыл свой букварь, взял ручку и написал большую красивую букву «А» — ровную, с прямыми ножками и аккуратной переладиной. И вдруг буква чуть-чуть засветилась и тихо сказала:

— Спасибо.

С тех пор Петя стал самым внимательным учеником в классе. Он бережно относился к буквам, словам и книгам. А когда кто-то писал неаккуратно, он всегда говорил:

— Осторожно! Буквы могут обидеться.

И говорят, если очень прислушаться, то в каждом букваре можно услышать, как буква «А» тихонько смеётся — но уже не обиженно, а радостно.

ПОДВИГ БЕЛОГО ЦЫПЛЕНКА

В одном курятнике жил-был цыплёнок по имени Пим-Пим. Он был маленький, пушистый, но совсем не такой, как остальные: не жёлтый, а белый, словно мягкий комочек пуха, с яркими красными пятнышками по всему тельцу, будто его нечаянно забрызгали краской. У него были большие любопытные глазки, которые всегда внимательно всё рассматривали, и тонкий голосок, который постоянно задавал вопросы.

Его никто не любил: ни петухи, ни курочки, ни цыплята-братишки, ни утки и тем более — индюки. Потому что он был белым с красными пятнышками, и к тому же умным, а этого никто воспринять не мог. Ведь он отличался от всех тем, что был другого цвета и часто задавал вопросы, на которые никто не мог ответить.

«Что такое, куд-кудах-тах? — кудахтали курицы, — почему все птенчики как птенчики — жёлтенькие, а этот — белый? Это нехорошо!»

«Да-да, — соглашались петухи, грозно поглядывая на белого пятнистого цыплёнка, потому что он порой выводил их из себя умными речами, а этого большие гордые петухи не терпели. — Откуда он взялся, этот выскочка? Нечего ему среди нас жить!»

И все гнали бедного Пим-Пима из курятника. С ним никто не играл, хотя цыплёнок так стремился в круг своих братьев. Он осторожно подходил к ним, когда они весело бегали, копались в земле и дружно пищали, пытался встать рядом, повторял их движения, но каждый раз его отталкивали. Тогда Пим-Пим останавливался, опускал крылышки и стоял в стороне, грустно наблюдая, как другие играют вместе.

«Иди, иди отсюда! — кричали они ему. — Ты не похож на нас, а мы с такими не дружим!»

Пим-Пиму было грустно, потому что всегда был один. Однажды он ходил вокруг курятника и увидел, как в кустах спряталась лиса Остроzubка. Это была хитрая рыжая лиса с острым носом, узкими прищуренными глазами и длинным пушистым хвостом с тёмным кончиком. Её шерсть слегка блестела на солнце, а зубы были острые, как иголки, и когда она приоткрывала пасть, казалось, будто она улыбается — но это была опасная, хищная улыбка. Остроzubка была известна тем, что часто разоряет птичьи гнёзда, ворует гусей и уток. Лиса сидела, поджав хвост, почти не двигаясь, и терпеливо ждала, когда появится удобный момент, чтобы незаметно пробраться в курятник и устроить там настоящий переполох.

Цыплёнок сразу понял, какая опасность грозит его братьям, родным и близким птицам. Он побежал назад и закричал:

«Там лиса! Прячьтесь! Скорее!»

Но никто ему не поверил. Все подумали, что он хочет привлечь к себе внимание, чтобы с ним подружиться и стали играть. И поэтому все гордо от него отвернулись и продолжили свои дела: куры спокойно клевали зёрна, лениво перебирая лапками землю, петухи важно расхаживали по двору, расправляя крылья и время от времени громко кукарекали, а цыплята весело носились друг за другом, поднимая пыль и радостно пища, словно ничего не происходит.

Пим-Пим увидел, что таким образом ему не спасти никого. Но он не отчаялся. Подумав, цыплёнок решил перехитрить лису.

Он выскочил из курятника и подбежал прямо к лисе.

«Эй! — закричал он. — Попробуй-ка меня поймать!»

«А ты кто такой?» — удивилась Остроzubка. Она никогда раньше не видела белых с красными пятнышками цыплят и к тому же таких смелых. Ведь все её боялись. А тут кто-то сам предлагает себя съесть. Лиса обошла Пим-Пима кругом, внимательно его разглядывая, прищурилась, понюхала воздух и даже слегка отступила назад. Ей показалось это очень странным. И она подумала, что это, наверное, ненормальный птенец, и, может быть, больной. Тогда от него заболит живот.

«Проваливай отсюда! — зло сказала она, махнув хвостом. — Мне не нужны такие странные цыплята. Я хочу обычных — жёлтых. А заодно толстеньких курочек и жирных петушков!»

«Ха-ха-ха! — засмеялся Пим-Пим. — Ты просто меня боишься! Лиса Острозубка, оказывается, трусиха!»

«Что-о-о? — рассвирепела Острозубка и клацнула зубами. Её глаза вспыхнули злостью, шерсть на спине встала дыбом, хвост резко дёрнулся, а зубы щёлкнули так громко, что даже листья на кустах задрожали. — Ну, цыплёнок, погоди!» — и кинулась ловить белого птенчика. Пим-Пим бросился от неё наутёк.

Цыплёнок знал, куда ему нужно бежать, а вот Острозубка не поняла, что её заманивают в западню. Она пробежала через двор, распугав всех его обитателей: куры с кудахтаньем разлетелись в стороны, петухи всполошённо захлопали крыльями, а цыплята с писком спрятались кто куда.

Но лисе не было дела до других птиц — она хотела наказать Пим-Пима. И когда цыплёнок спрятался в собачьей будке, то она, не раздумывая, прыгнула туда, посчитав, что наглец попался. А там спал пёс Обормот — большой, лохматый, с густой рыжевато-серой шерстью, чёрным влажным носом и мощными лапами. Он был добрый, но очень грозный, когда дело касалось защиты двора, и давно мечтал поймать лису и проучить её за то, что она ворует и ест птиц. В этот момент он сладко посапывал, уткнувшись носом в лапы, и ему как раз снился сон, будто он гонится за хитрой лисой.

И когда лиса вдруг прыгнула псу прямо на голову, то он вскочил и открыл глаза. Увидев опешившую Острозубку, он вначале подумал, что сон продолжается: он даже моргнул несколько раз, потряхнул головой и тихонько зарычал, не веря своей удаче, ведь прямо перед ним стояла та самая лиса из его сна. Но тут Пим-Пим закричал: «Эй, Обормот, хватай разбойницу! Чего спишь-то!»

Пёс обрадовался и как вцепится острыми клыками в пушистый хвост лисы! Острозубка запищала и дёрнулась изо всех сил, завертелась, закрутилась, отчаянно пытаясь вырваться, её

лапы скользили по земле, а глаза от страха расширились. Ей удалось вырваться, но в пасти Обормота всё-таки осталась часть лисьего хвоста.

Лиса, воя во всё горло, выбежала из будки и стремглав понеслась в лес. Пим-Пим и Обормот смеялись ей вслед: цыплёнок весело подпрыгивал, радостно пища, а пёс громко лаял и вилял хвостом, гордо поглядывая на свой трофей. А петухи, курочки и цыплята долго благодарили героя-цыплёнка, говоря, что благодаря ему они остались в живых. С тех пор Пим-Пима стали все уважать, с ним дружили и маленькие, и взрослые птицы, все у него просили совета, прислушивались к его словам, а по вечерам собирались вокруг него и слушали его умные рассуждения. Даже самый большой и важный индюк, который раньше ни с кем не разговаривал, теперь любил стоять рядом с Пим-Пимом и важно беседовать с ним, кивая своей большой головой.

А лиса Острозубка здесь больше не появлялась. Она боялась приходить в курятник, где жил умный цыплёнок. Кстати, теперь Пим-Пим спал вместе с Обормотом на самой мягкой подстилке — из пушистого лисьего хвоста, который оказался удивительно тёплым, мягким и уютным, словно настоящая перина.

КАК БАКЛАЖАН В СУП ПОПАЛ

Жил-был баклажан — важный, гладкий, с блестящей лиловой кожицей, будто отполированной до зеркального сияния. Он был крупный, плотный, с аккуратной зеленой шапочкой на макушке, словно в изящном берете. Когда на него падал солнечный луч, он словно светился изнутри, переливаясь оттенками фиолетового и сиреневого. Сам он считал свою внешность безупречной и держался так, будто весь огород должен был любоваться только им.

Он рос среди помидоров и огурцов, и было вообще непонятно, как он там очутился. Ведь других баклажанов на грядках не было. Возможно, ветром занесло его семечко, которое попало в почву и проросло. И хотя баклажан был один, зато он выделялся среди красных помидоров и зеленых огурцов своим лиловым цветом и размером, превосходившим любой овощ в огороде. Поэтому все растения здесь почтительно называли его маркизом де Баклажан.

Нужно заметить, что из-за этого баклажан стал задавакой и чванливым, и очень важничал, если кто-то обращался к нему за советом. Он слегка покачивался на своем крепком стебле, как будто раздумывал над судьбами мира, и никогда не отвечал сразу. Порой он не отвечал вовсе, делая вид, что страшно занят делами: то «обдумывает стратегию роста», то «анализирует погодные тенденции», то «размышляет о смысле огородной жизни». Иногда он заставлял несколько раз повторять вопрос, словно не слышал, хотя прекрасно всё улавливал.

— Маркиз де Баклажан, как вы считаете, сегодня будет дождь? — интересовались соседки-помидоры.

— Кхе-кхе, — баклажан в ответ только солидно кашлял. Он чуть наклонялся вперед, будто собирался сказать нечто чрезвычайно важное, затем делал паузу, придавая себе ещё больше значимости, и молчал. При повторном вопросе он снова кашлял, ещё громче и выразительнее, словно его ответ был настолько ценен, что требовал особого настроения. И лишь на третий раз отвечал сердитым голосом:

— Ну, что вы, сударыни, сегодня нет облаков и туч, значит, дождя не следует ожидать. Неужели до этого вы сами не можете додуматься?..

Безусловно, такая манера поведения вызывала уважение у овощей, которые стремились лишней раз не беспокоить баклажана. Они переглядывались, шептались и осторожно обсуждали его «глубокий ум», хотя порой и не понимали, что именно в нём такого глубокого. Но спорить с маркизом никто не решался — вдруг он обидится и перестанет «делиться знаниями»?

Зато между собой они часто спорили, шумели, кричали, иногда пели песни. Помидоры весело перекликались, огурцы шуршали листвой, морковки тихо посмеивались под землёй. То есть им было всегда весело и интересно. Они радовались каждому часу жизни, каждому лучику солнца, дуновению ветра и капле воды.

Нельзя сказать то же самое о баклажане. Он всегда сердился, пыхтел, едва до него доносились звуки с других грядок. Его гладкая поверхность словно напрягалась от раздражения, а листочки у основания чуть подрагивали. Он считал, что это некультурно и не солидно. Более того, это портит его имидж — мол, он живет рядом с легкомысленными овощами.

— Фу, какой стыд, — злился он. — Мне приходится терпеть соседство всяких там легкомысленных и тупых растений. Нет ни одного профессора или академика, сплошные бездари. И надо же было мне попасть в этот огород.

Дело в том, что баклажан мечтал попасть в Академию овощей и фруктов — величественное место, как он себе представлял, с высокими стеклянными теплицами, мраморными дорожками и аккуратными грядками, где росли только самые выдающиеся представители растительного мира. Там, по его мнению, моркови носили очки, яблоки читали книги, а капуста вела научные диспуты.

В своих фантазиях он представлял себя в мантии и колпаке, в круглых очках, стоящим за трибуной. Он вещал глубоким голосом о смысле роста, о философии корней и значении солнечного света. Его слушали бы, затаив дыхание, делали записи, кивали, восхищались. А после лекции к нему выстраивалась бы очередь из учеников, желающих задать вопрос великому маркизу де Баклажану.

Когда же он приходил в себя и видел те же помидоры и огурцы, то морщился и фыркал, будто его только что вырвали из великого сна и бросили в скучную реальность.

Так прошел месяц. Лето было уже в разгаре: солнце щедро лило тепло, воздух был густой и ароматный, наполненный запахами трав и земли. По утрам на листьях блестела роса, днём жужжали пчёлы, а вечером лёгкий ветерок шептал сказки между грядками. Овощи и фрукты наливались соком, росли, становились очень аппетитными на вид.

В один день в огород заглянула бабушка. Это была невысокая, добрая женщина с мягким лицом и тёплыми глазами. На ней был старенький платок, завязанный под подбородком, и фартук с карманами. Она ходила неспешно, аккуратно раздвигая листья, иногда приговаривая: «Ай да молодцы, какие выросли!» В руках у неё была плетёная корзина, в которую она бережно складывала овощи — ей нужно было приготовить суп из свежих даров огорода.

— Ой, какой баклажанчик! — воскликнула бабушка.

Дело в том, что баклажаны здесь не росли из-за особенностей климата. И поэтому бабушка была весьма удивлена и обрадована такой «находке».

— Я — маркиз де Баклажан! — сердито произнес баклажан, уязвленный, что его назвали уменьшительно-ласкательным именем. Его гладкая кожа словно потемнела от негодования, он надменно приподнялся на стебле и чуть отвернулся, демонстрируя своё достоинство. Ведь о профессоре нельзя было так легкомысленно отзываться...

Но бабушка его не слышала. Она размышляла, задумчиво глядя на блестящий бок необычного овоща:

— Интересно, а в суп его можно положить? Что из этого получится?

— Меня — в суп? — поразился баклажан. — Из маркиза де Баклажана сварить суп? Да вы что, почтеннейшая, меня ждут в Академии овощей и фруктов! Мне уготована роль самого умного овоща! А вы говорите о каком-то супе.

Помидоры и огурцы, слушая негодование баклажана, в страхе молчали и дрожали. Их листочки тихо шуршали, будто от испуга, а сами они старались стать как можно незаметнее — прятались за стеблями, отворачивались, делали вид, что заняты своими делами. Никто не смел даже пискнуть: вдруг маркиз рассердится и начнёт отчитывать их за «недостаток ума» или «огородную несостоятельность».

Нельзя сказать, что восклицания баклажана убедили бабушку изменить решение. Она пришла к выводу, что из этого овоща можно сварить вкусный суп. И, долго не размышляя, бабушка сорвала баклажан и положила в корзинку рядом с капустой, помидорами, огурцами и луком. В корзине было тесно и пахло свежей зеленью и землёй. Капуста важно шуршала своими листьями, лук тихо перекатывался, а помидоры мягко прижимались друг к другу, словно шептались о своей судьбе.

— Какое безобразие! Какой скандал! — кричал баклажан. Поступок бабушки его весьма возмутил. — Немедленно верните меня на место! Или отправьте в Академию. Меня там ждут!

Но его ждали на кухне. Бабушка нашла старую кулинарную книгу с пожелтевшими страницами и аккуратным почерком на полях. В ней был рецепт супа из баклажана: с ароматными травами, мягким мясом и поджаренными овощами. Рецепт обещал густой, наваристый и очень полезный суп.

Потом она быстро почистила овощи: кожура тихо шуршала, нож ритмично стучал о доску. Баклажан оказался нарезан аккуратными кусочками, затем вместе с другими овощами отправился на сковороду, где всё зашипело и зазолотилось. После этого бабушка переложила всё в котелок, добавила воды, щепотку соли, душистые травы — и закрыла крышкой.

Баклажан кипел внутри, и вместе с водой выкипали его зазнайство и чванство. Пузырьки поднимались вверх, словно уносили с собой его важность, обиду и высокомерие, оставляя только мягкость, тепло и пользу.

Когда суп был готов, бабушка позвала внучат — девочку и мальчика. Девочка была с косичками и яркой ленточкой, а мальчик — с растрёпанными волосами и в пыльных после

игры шортах. Их щёки покраснелись, глаза блестели, а сами они дышали быстро — видно было, что только что бегали и играли.

Те прибежали с игровой площадки, помыли руки и сели за стол.

— Что сегодня на обед? — поинтересовались они, стуча ложками.

— Баклажановый суп, — сказала бабушка и стала разливать в тарелки содержимое котелка.

От супа исходил такой аромат, что у детишек зашекотало в носу, а в желудке заурчало. Пар поднимался мягкими облачками, пахло теплом, летом, травами и чем-то особенно домашним и уютным. Суп был густой, золотистый, с кусочками овощей, которые так и манили попробовать.

— Ах, как вкусно, — обрадовались они и стали уплетать суп за обе щеки. Ложки весело звенели о тарелки, а сами дети улыбались и иногда переглядывались, словно делились радостью без слов.

Естественно, суп был и полезным. Ведь в баклажане очень много ценных витаминов, нужных для подрастающего организма. Более того, из баклажана в суп перешла его мудрость, поэтому дети стали очень умными. Они быстрее соображали, лучше учились, задавали интересные вопросы и с удовольствием узнавали новое.

Но задаваками, как баклажан, они не стали. Потому что уважали других, умели слушать, помогали друзьям и жили со всеми в дружбе. Они смеялись, играли, делились игрушками и никогда не считали себя лучше других — ведь настоящая мудрость, как оказалось, не в важности, а в доброте.

КАК СЛОН ХОДИЛ В ТЕАТР

На одной лесной поляне, залитой мягким солнечным светом и пахнувшей тёплой землёй, травами и смолой сосен, жили муравьи. Но это были не те суетливые, вечно занятые труженики, которых можно встретить повсюду. Эти муравьи были удивительными созданиями: аккуратные, ловкие, с блестящими, будто отполированными головками и живыми, искрящимися глазами. Их усики всё время находились в движении, словно они не просто ощущали мир, а слушали его, как музыканты слушают мелодию. Они ходили не беспорядочно, а почти танцуя — слаженно, ритмично, будто каждая их прогулка была частью репетиции. У каждого была своя роль: кто-то был актёром, кто-то костюмером, кто-то декоратором, а кто-то — мастером света, отражающегося от капелек росы.

Это были не простые муравьи, а настоящие артисты. У них был свой театр, который назывался «Муравей-шоу», и они каждый день давали представления всем жителям поляны. Смотреть на спектакли приходили многие животные: и мышки, и птички, и жабы, и белки, и даже бобры. Все они заглядывали сквозь норки внутрь муравейника и, затаив дыхание, смотрели смешные истории, разыгрываемые на крошечной сцене из корешков, листьев и песчинок.

Иногда звери так смеялись, что от их хохота, казалось, развалится весь театр. Мышки катались по земле, держась за животики, птички хлопали крыльями так, что поднимался лёгкий ветерок, белки забывали про свои орехи и, уткнувшись мордочками в лапки, пищали от смеха, а даже серьёзные бобры, обычно занятые своими плотинами, фыркали и плескались хвостами, не в силах сдержаться. Смех разливался по поляне, как звонкий ручей, подхватывая каждого, кто находился рядом, и даже старые деревья, казалось, тихо поскрипывали от удовольствия.

Однажды слон по имени Большие Уши услышал, как веселятся звери на поляне. Это был огромный, но удивительно мягкий на вид слон с широкими, как паруса, ушами, которые слегка колыхались от каждого движения воздуха. Его кожа была серой, с тёплым пыльным оттенком, а глаза — большими и добрыми, в которых читалась тихая грусть. Он жил одиноко, вдали

от стада, и привык к тишине, но в глубине души ему всегда хотелось быть рядом с кем-то, слышать смех и чувствовать, что он не один.

И он поспешил туда. Бух!.. Бух!.. От его тяжёлых шагов земля глухо откликнулась, словно барабан. Задражали деревья, посыпались сухие иголки с веток, зашевелились камни, а сам муравейник тревожно затрещал, будто испугался незваного гостя. Звери перепугались, думая, что началось землетрясение, и, резко обернувшись, стали всматриваться в сторону шума. Каково же было их удивление, когда между стволами деревьев показалась огромная фигура слона. Он двигался осторожно, почти виновато, стараясь не наступить ни на цветок, ни на гриб, но всё равно казался целой горой, которая вдруг решила прогуляться по лесу.

— Эй! — крикнул самый смелый муравей, которого звали Листок. Это был маленький, но очень важный муравей с аккуратно приглаженными усиками и серьёзным выражением мордочки. Он всегда носил на себе крошечный кусочек зелёного листа, словно плащ директора, и гордо вышагивал перед сценой, следя, чтобы всё шло по плану. У него был звонкий, уверенный голос и такой взгляд, что даже самые непоседливые муравьи сразу становились по местам. Это был директор театра, и ему не нравилось, когда спектакли прерывались на самом интересном месте. — Ты чего пугаешь моих зрителей?

— Извините, — смутился Большие Уши. Его уши слегка опустились, а кончик хобота неловко качнулся. Он даже покраснел оттого, что кому-то, оказывается, помешал. Дело в том, что это был очень добрый и скромный слон. — Я услышал смех и решил прийти сюда, чтобы повеселиться с другими. А то мне так скучно! Я всё время один да один...

— Тогда идём к нам смотреть весёлое представление! — закричали зайчата. Это были пушистые, быстрые комочки с длинными ушами, которые торчали вверх, как антенны, ловящие каждую шутку. Их носики постоянно подрагивали, а глаза сияли любопытством и радостью. Они прыгали с места на место, не в силах устоять спокойно, и, кажется, даже говорили вприпрыжку.

— Да-да, слон, идём к нам! — подхватили лягушки и совы. Лягушки квакали так оживлённо, что их голоса сливались в весёлый хор, а совы, обычно серьёзные, сегодня выглядели необычно оживлёнными, расправляя крылья и моргая своими круглыми глазами. — Сейчас в «Муравей-шоу» идёт интересный спектакль!

Слон обрадовался предложению и подошёл к муравейнику. Он сделал это так осторожно, как только мог, стараясь не задеть ни одну травинку. Но, приблизившись, он вдруг остановился. Перед ним оказался крошечный вход, едва заметный среди песчинок и травинок. Большие Уши нерешительно наклонился, прищурил глаза, попытался заглянуть внутрь, но увидел лишь тёмный проход, в котором мелькали крохотные тени. Его огромная голова закрывала половину поляны, а хобот, не зная куда деваться, тихонько покачивался в воздухе.

Он стоял рядом с муравейником, такой большой, что казался частью пейзажа — как скала или холм, и в то же время таким растерянным, будто маленький зверёк, который не знает, как попасть на праздник. Его уши чуть опустились, а глаза наполнились лёгкой грустью: он так хотел увидеть представление, но, похоже, это было невозможно.

— Да, ты слишком большой, слон! — воскликнул Листок, развёл усики в стороны и вздохнул. — Ты не сможешь посмотреть спектакль!

И Большие Уши заплакал, потому что он очень хотел посмотреть муравьиное представление. Сначала он тихо всхлипнул, потом ещё раз, а затем из его огромных глаз покатались крупные, тёплые слёзы. Они падали на землю тяжёлыми каплями — плюх... плюх... — и каждая оставляла после себя маленькое блестящее озерцо. Вскоре перед муравейником собралась целая лужа, прозрачная, как стекло, в которой отражались облака и верхушки деревьев. Лягушки тут же обрадовались и с радостным кваканьем запрыгнули в неё, устроив настоящий водный балет, а одна любопытная рыбка, приплывшая по подземному ручейку, даже высунула

нос из воды, словно проверяя, что за новое озеро появилось на поляне. Лужа тихо колыхалась, будто живая, и казалось, что в ней плавает сама печаль слона.

Зверьям стало жалко Большие Уши. Даже самые весёлые из них перестали смеяться и тихонько переглянулись. И тогда Листок сжалился и, немного поразмыслив, важно прошёлся туда-сюда, поднял усики и сказал:

— Это не беда, Большие Уши! Не расстраивайся! Если ты не можешь заглянуть в театр, то театр может влезть на тебя!

— Значит, я смогу катать целый театр на своей спине?! — обрадовался слон, забыв даже вытереть слёзы. — И сам увижу все ваши спектакли?

— Это идея! — в один голос воскликнули муравьи. Они забегали ещё быстрее обычного, возбуждённо переговариваясь, ведь действительно — никто раньше не видел спектаклей на спине слона, да ещё и таких необычных гастролей.

— Теперь ты нас будешь развозить по всему лесу, — сказал Листок, уже представляя будущие успехи. — Мы будем гастролировать на другие поляны, посетим озёра и реки, покажем всем животным, птицам и насекомым наши интересные спектакли.

Большие Уши так понравилось это предложение, что он осторожно, почти затаив дыхание, протянул хобот к муравейнику. Он подхватил его так бережно, словно это был не дом из песчинок и веточек, а хрупкий стеклянный дворец. Медленно, с величайшей аккуратностью, он поднял муравейник и водрузил его себе на широкую, тёплую спину. Там, наверху, среди мягких складок кожи, муравьи устроились, как на настоящей сцене под открытым небом. Перед ними раскинулся огромный мир: лес уходил вдаль зелёными волнами, реки блестели, как серебряные ленты, птицы пролетали почти на уровне сцены, а облака казались совсем близкими. У многих муравьёв от такого зрелища захватило дух, и тут же начали рождаться новые идеи — про путешествия, про ветер, про дальние страны и даже про самого слона.

Теперь Большие Уши не только смотрел новые представления и развозил «Муравей-шоу» по разным уголкам леса, но и сам иногда играл в них небольшие роли. Вскоре после этого Листок присвоил слону звание «Большого Артиста». И это было заслуженно: Большие Уши умел топнуть ногой так, что получалось настоящее, но безопасное «землетрясение», мог поднять своим хоботом вихрь из сухих листьев, изображая бурю, раскачивал ветки деревьев, будто налетевший ветер, а когда он протяжно трубил, казалось, будто где-то вдалеке гремит водопад. Он двигался осторожно и точно, стараясь не разрушить декорации, и с каждым выступлением становился всё лучше и лучше. В нём было столько искренности и старания, что зрители верили каждому его движению.

Его стали уважать другие большие звери. Даже бегемоты и крокодилы — известные драчуны и забияки — всегда уступали ему дорогу, почтительно кивая и переговариваясь между собой, что это не просто слон, а настоящий артист, да ещё и умный и добрый.

С тех пор театр стали называть «Муравей-Слон-шоу», а Листок и Большие Уши стали закадычными друзьями.

А однажды, когда солнце уже клонилось к закату и золотой свет мягко ложился на лес, Большие Уши остановился на новой поляне, где ещё никто не видел их представлений. Муравьи быстро приготовили сцену, звери начали собираться, и вскоре вокруг стало тихо-тихо — все ждали начала.

Листок вышел вперёд и, подняв усики, громко объявил:

— Сегодняшний спектакль — про дружбу, которая делает маленькое большим, а большое — добрым!

И в этот момент Большие Уши, стоя неподвижно, почувствовал, как у него внутри стало тепло и светло. Он понял, что больше никогда не будет один.

А когда представление закончилось, зрители аплодировали так громко, что эхо разнесло этот звук по всему лесу, по рекам и холмам. И с тех пор говорили: если где-то слышен смех и

аплодисменты — значит, неподалёку проходит удивительное «Муравей-Слон-шоу», где каждый, даже самый маленький или самый большой, может найти своё место на сцене.

СКАЗКА ПРО ЧЕРНЫЙ КАРАНДАШ

В одной яркой коробочке, украшенной разноцветными узорами и весёлыми картинками, жили-были цветные карандаши. Коробочка была тёплая, чуть пахла деревом и красками, а внутри всё было аккуратно разложено, словно в маленьком домике. Карандашики лежали рядком, прижавшись друг к другу боками, и тихонько переговаривались по вечерам. Они были толстенькими, гладкими, приятно тёплыми на ощупь, так что детская ладошка с трудом могла обхватить каждый из них. Их деревянные рубашки были отполированы до мягкого блеска, а грифели — мягкие, яркие, будто наполненные самой радугой.

Ах, каких там только цветов не было: и красный, как спелая ягода, и синий, как глубокое море, и зелёный, как весенняя трава, и жёлтый, как солнечный луч. Некоторые люди говорили, что они, якобы, волшебные. Стоило только взять их в руки, как карандаши начинали бегать туда-сюда по бумаге, будто сами знали, что рисовать. Линии ложились легко, плавно, и вот уже через минуту на белом листе оживала целая картина: синее море мягко перекатывало волны, по которым плыл маленький кораблик с надутыми парусами; рядом раскидывалась поляна, усыпанная цветами — красными, жёлтыми, фиолетовыми, с бабочками, порхающими над ними, и с тонкими стебельками, которые словно колыхались от лёгкого ветерка.

Удивительными были эти карандаши, и сами они прекрасно это знали. Они очень гордились собой и часто перешёптывались, что именно они помогают детям становиться добрыми, учат видеть красоту мира и замечать мелочи. Поэтому они и рисовали только хорошие, светлые картины. Красный карандаш с удовольствием выводил на бумаге тюльпаны — пышные, яркие, словно горящие на солнце. Жёлтый рисовал круглое, улыбающееся солнышко, от которого во все стороны расходились тёплые лучи. Голубой покрывал лист лёгким небом, прозрачным и высоким. Зелёный создавал траву, деревья и кусты — густые, живые, полные шорохов. Коричневый добавлял земле глубину — равнины, холмы, горы с мягкими тенями. Белый, хоть его почти не было видно, аккуратно обозначал облака, лёгкие, как вата, и блики на воде. А Синий карандаш рисовал море — глубокое, загадочное, с тёмными переливами и тихими волнами.

Единственный, кому не везло, был Чёрный карандаш. Он лежал в самом углу коробки и почти никогда не покидал своего места. Его редко брали в руки, потому что стоило это сделать, как он почему-то начинал рисовать совсем другие картины. На бумаге появлялся чёрный пиратский флаг с зловещими знаками, острые, как иглы, крысиные мордочки с блестящими глазами, тёмные силуэты странных зверей, с длинными когтями и кривыми спинами, будто вышедших из самых страшных сказок. Его линии были резкими, угловатыми, и даже если он пытался провести простую линию, она получалась какой-то тревожной, настороженной.

Карандашу было грустно. Его товарищи радовались, когда дети брали их в руки: они будто оживали, их грифели мягко скользили по бумаге, а потом, довольные, возвращались обратно в коробку. А Чёрный лежал себе и лежал, ощущая, как вокруг него пустеет место. Иногда крышка открывалась, в коробку заглядывал свет, и он надеялся — вот сейчас его выберут... но детская рука проходила мимо. Лишь изредка какой-нибудь озорник доставал его, чтобы быстро нарисовать что-то пугающее: страшную рожицу, тёмную тень или каракули, которыми пугали одноклассников. После этого Чёрный карандаш возвращался обратно ещё более молчаливым и тяжёлым.

— Мы не хотим быть с тобой в одной коробке, — говорил ему Синий карандаш, когда дети складывали их обратно. — Ты позоришь нас!

— Может, тебе уйти? — добавлял Красный. — Наши дети добрые, и они не будут рисовать тобой.

Все карандаши были недовольны своим деревянным собратом. А Чёрный молчал. Он сжимался внутри себя, словно его грифель становился ещё твёрже, и злился. Он понимал, что его никто не любит, что он никому не нужен, и от этой обиды назло рисовал только плохие картины, ещё темнее и ещё страшнее. Его линии становились толще, резче, будто он хотел доказать всем, что именно таким его сделали.

Но в душе Чёрный карандаш был совсем другим. Когда коробочка закрывалась и наступала тишина, он засыпал, и ему снились сны. В этих снах он не рисовал страшное. Он видел, как по небу плывут мягкие облака, как в тихом пруду плавают маленькие рыбки, оставляя круги на воде, как в лесу белочки собирают грибы, аккуратно складывая их в свои лапки. Он

мечтал нарисовать всё это — светлое, спокойное, доброе. И в этих снах его линии становились мягкими, а цвет — не таким мрачным, а глубоким и тёплым.

И он очень надеялся, что однажды найдётся мальчик или девочка, которые не испугаются его, возьмут в руки и помогут ему нарисовать не страх, а красоту.

С каждым днём цветные карандаши уменьшались в размерах. Их яркие, когда-то длинные тела становились всё короче и короче, а острые кончики — всё быстрее стирались о бумагу. Дети рисовали ими на уроках: сначала осторожно, выводя линии, потом смелее, раскрашивая целые страницы. Грифели мягко скользили, оставляя за собой сочные следы, и постепенно таяли, как будто растворялись в рисунках. Когда карандаш становился тупым, его аккуратно точили, и он снова был готов к работе — только чуть меньше прежнего. Деревянная стружка закручивалась в тонкие спирали, пахла свежестью и падала на парту, словно маленькие ленточки.

Только Чёрный карандаш оставался прежним. Он лежал в углу коробки — такой же длинный, почти нетронутый, будто время его обходило стороной.

— Видишь?! — кричали ему Оранжевый и Фиолетовый, возвращаясь после уроков заметно укороченными. — Мы нужны людям. А ты — нет. Мы живём и радуем всех!

А Чёрный молчал в ответ. Он не находил слов. Ему было очень стыдно, что он родился с таким цветом — густым, тёмным, непохожим на радостные краски своих товарищей. Он чувствовал себя лишним, ненужным, будто его забыли создать для добра. Но что он мог поделать? Он лишь тихо лежал и надеялся, что однажды всё изменится, и кто-нибудь увидит в нём не только тьму.

И вот однажды дети, придя в школу, открыли коробку и увидели, что все карандаши закончились. На дне лежали лишь короткие огрызки, едва пригодные для рисования. И только один Чёрный карандаш остался длинным и целым.

— Ой, — огорчились дети. — А как мы будем рисовать? Ведь цветные закончились...

— У вас есть чёрный, попробуйте им что-нибудь изобразить, — посоветовала учительница. Это была добрая женщина с мягким голосом и внимательными глазами. Она всегда говорила спокойно, никогда не спешила и умела видеть в каждом ребёнке что-то хорошее. Её волосы были аккуратно собраны, а на лице всегда жила лёгкая улыбка, словно она заранее знала, что всё обязательно получится.

— Но что можно нарисовать чёрным цветом? — удивилась одна девочка. Она была тихой и мечтательной, с аккуратными косичками и большими глазами. Она любила рисовать цветы, бабочек и птичек — всё яркое и красивое. Её тетрадки всегда были наполнены красками, и ей казалось, что без них мир становится скучным.

— Посмотрите на мир. Ведь в нём есть и чёрные цвета. Нужно только их замечать и тоже использовать, — сказала учительница.

Один мальчик взял Чёрный карандаш. Это был любознательный, немного задумчивый мальчик с растрёпанными волосами и внимательным взглядом. Он любил рассматривать всё вокруг и часто находил то, чего не замечали другие. Он повертел карандаш в руках, задумался: «А что им можно изобразить?» — и начал оглядываться.

Вдруг он увидел ёжика, сидящего в зоологическом уголке. Маленький, колючий, он тихо шевелился в своём домике, и его иголки казались почти чёрными.

— А ведь он — чёрного цвета! — удивился мальчик и быстро принялся рисовать.

Линии ложились уверенно, одна за другой. На бумаге появился круглый комочек с короткими лапками, вытянутой мордочкой и густыми иголками. Ёжик получился живым — будто вот-вот зашевелится. Настоящий ёжик подошёл поближе, посмотрел на рисунок и одобрительно фыркнул, словно сказал: «Да, это я!»

Потом девочка взяла в руки Чёрный карандаш. Она тоже стала смотреть по сторонам и вдруг заметила через окно ворона. Он сидел на ветке дерева, чёрный, как ночь, с блестящими глазами и важной осанкой.

— Кар-кар! — каркнул ворон, словно приглашая её.

— Ой, и птички бывают такие тёмные! — воскликнула девочка и начала рисовать.

Она аккуратно вывела ветку, потом силуэт птицы, её крылья, клюв, глаза. Ворон получился строгий, но красивый, и в его тёмном цвете вдруг появилась своя особенная выразительность.

И тут все дети начали замечать, что вокруг действительно много чёрного цвета. Они смотрели на свои ботинки — блестящие и аккуратные, на колёса машин за окном, которые катились по дороге, на ночное небо, о котором рассказывала учительница — глубокое, звёздное, полное тайн. Кто-то вспомнил, что есть люди с тёмной кожей, живущие в далёкой Африке, и это тоже красиво и по-своему удивительно.

Мир оказался гораздо богаче, чем они думали.

И Чёрный карандаш стал уменьшаться в размерах. Его брали снова и снова, он скользил по бумаге, создавая рисунки — ёжиков, птиц, деревья в тени, силуэты домов, ночные пейзажи. Его линии стали мягче, увереннее, в них появилась жизнь. Он больше не рисовал страшные картины — потому что теперь его использовали с добром.

Через несколько дней он стал таким же маленьким, как и другие цветные карандаши.

— Я тоже прожил хорошую жизнь и понадобился людям, — с тихой гордостью сказал он.

Цветные карандаши уважительно зашуршали рядом, соглашаясь. Они больше не смеялись над ним. Теперь Чёрный занял своё почётное место среди них.

А старая коробка, чуть потёртая, но по-прежнему яркая, хранила их всех вместе — как дружную семью, где каждый цвет был важен и нужен по-своему.

ДИЛЬФУЗА И ЕЕ ДНЕВНИК

В одном городе жила девочка по имени Дильфуза. Это была худенькая, подвижная девочка с растрёпанными тёмными волосами, которые почти никогда не были аккуратно заплетены. Её глаза блестели озорством, но в этом блеске чаще пряталось упрямство, чем доброта. Одежда у неё почти всегда была мятая, испачканная чернилами или краской, а на коленках постоянно виднелись свежие пятна и царапины. Она ходила в пятый класс, но, если честно сказать, училась плохо, хотя считалась уже большой девочкой.

Учительница у них была строгая, но справедливая. Это была высокая женщина с аккуратно уложенными волосами и внимательным взглядом, который, казалось, видел всё — и списывание, и шалости, и леность. Она говорила спокойным, но твёрдым голосом и очень хотела, чтобы все дети учились хорошо. Однако с Дильфузой у неё постоянно возникали трудности. Учительница ставила ей в дневник двойки и лишь изредка — тройки, потому что Дильфуза была не очень прилежной ученицей.

На уроках математики она вертелась по сторонам, не слушала объяснений, дёргала подруг за косы, а мальчишек обстреливала крошками пластилина через самодельную трубочку, тихо хихикая. На уроке пения она вместо того, чтобы учить ноты, рисовала на парте кривых, зубастых чудищ с огромными глазами и острыми когтями, и даже не пыталась подпевать остальным.

Когда наступал урок письменности, Дильфуза ставила в тетради большие чернильные кляксы, а потом размазывала их пальцем по всему листу, превращая аккуратные страницы в грязные, липкие пятна. Строчки у неё расползались, буквы были кривыми, а сама тетрадь выглядела так, будто пережила бурю.

И сама девочка была такой же неопрятной. Она ходила растрёпанная, с грязными руками, часто ругалась на переменках, кричала, спорила и даже могла толкнуть или обидеть кого-нибудь. Одноклассники старались держаться от неё подальше и не дружили с ней. На переменах Дильфуза носилась по коридорам, как вихрь, толкала младшекласников, смеялась, а иногда доставала рогатку и стреляла по птичкам за окном. Часто она попадала в стекло, и оно с треском разбивалось.

После таких выходок её маму и папу постоянно вызывали в школу. Учителя качали головами и говорили, что ребёнка плохо воспитывают. Родителям было очень обидно, ведь они старались, разговаривали с дочерью, просили её быть лучше, но всё было напрасно.

Но, видимо, у них не совсем получалось, потому что Дильфуза продолжала хулиганить и не учила уроки. Поэтому учительница ставила ей плохие оценки и писала замечания в дневник, аккуратным, но строгим почерком.

Когда дома мама и папа открывали дневник, им становилось неловко и стыдно. На страницах пестрели записи: «Дильфуза побила Свету! Родители, зайдите в школу!» или «Дильфуза не слушалась на уроке физкультуры и проткнула мячик! Родители, купите новый!» А почти каждый день был отмечен жирной, красной двойкой, будто кто-то нарочно заполнил ими весь дневник.

— Дильфуза получила двойку на контрольной по рисованию! — восклицала мама, хватаясь за голову.

Мама была доброй, заботливой женщиной с усталыми глазами. Она очень переживала за дочь, старалась помочь ей, но всё чаще не знала, что делать.

— Почему?

— Ну и что? — пожимала плечами Дильфуза, стоя перед родителями с равнодушным видом. Она даже не чувствовала вины, лишь слегка скучала. — Я нарисовала большого крокодила... правда, не в альбоме, а на стене. Подумаешь! Хотя учительница сильно рассердилась... Но я же не рисовала в кабинете директора!

— А почему двойка по чтению? — удивлялся папа, поправляя очки на носу.

Папа был серьёзным, аккуратным человеком, который любил порядок и книги. Он всегда надеялся, что его дочь тоже полюбит учёбу.

— Ты что, не умеешь читать?

— Умею, но мне не интересно! Я люблю смотреть кино, а не читать! — отвечала Дильфуза. — А меня заставляли пересказать историю о Чебурашке и Крокодиле Гене. Лучше бы спросили про мертвецов и вампиров! Я о них больше знаю!

— Какой кошмар! — восклицали родители. — Нам стыдно брать в руки такой дневник! Это позор — иметь такой дневник!

И однажды сам Дневник не выдержал.

Это был толстенький, уже немного потрёпанный дневник с загнутыми уголками страниц и потёртой обложкой. Когда-то он был ярким и аккуратным, но теперь его страницы были исписаны красными чернилами, двойками и замечаниями. Он словно тяжело вздыхал каждый раз, когда его открывали.

— Хватит! — громко воскликнул он однажды, когда вечером его снова бросили на стол. — Мне надоело быть таким плохим! Меня другие дневники не уважают, потому что я весь в двойках и замечаниях от учительницы! Я ухожу от Дильфузы. Не хочу быть у такой нехорошей школьницы!

— А что ты будешь делать? — спросили его тетради и учебники.

Они тоже выглядели несчастными: страницы у них были порваны, уголки загнуты, некоторые листы выдраны, а на обложках — пятна и каракули. Дильфуза иногда использовала тетради, чтобы прихлопнуть муху, или вырывала страницы просто так, от скуки.

— Я уйду! — воскликнул Дневник. — Найду хорошую ученицу и буду у неё жить. Я хочу, чтобы на моих страницах были только пятёрки и четвёрки!

И ночью, когда город укутался в тишину, а в окнах домов гасли последние огоньки, наступило время, когда даже самые беспокойные вещи засыпают. За стеклом тихо шуршал ветер, где-то далеко лениво тявкала собака, а луна заглядывала в комнату Дильфузы, освещая её беспорядок бледным светом. Девочка спала, раскинувшись поперёк кровати, одеяло съехало на пол, а рядом валялись тетради и портфель.

И в эту тихую ночь Дневник не выдержал. Он осторожно приподнялся, тихонько шурша страницами, будто боялся разбудить кого-нибудь, и медленно выбрался из портфеля. Он оглянулся, словно прощаясь, и, набравшись решимости, пополз к окну. Подоконник оказался высо-

ким, но он подтянулся, зацепился уголком обложки и, с усилием перевалившись, оказался снаружи.

Ему пришлось вылезти из окна и спуститься вниз по водосточной трубе. Он скользил, цепляясь страницами, иногда чуть не срывался, но всё-таки добрался до земли. Сердце его колотилось — если бы у дневников было сердце.

Но едва он очутился на улице, как из темноты раздалось злое шуршание. Из-за мусорных баков, из-под скамеек, из тени деревьев появились кошки. Их глаза светились в темноте, а шерсть топорщилась. Вокруг Дневника образовалось кольцо.

Вперёд вышел самый главный кот по имени Задира. Это был большой, жилистый кот с порванным ухом, длинными усами и шрамом, пересекающим морду. Один его глаз был прикрыт чёрной повязкой, а второй — жёлтый, холодный — смотрел так, что становилось не по себе. Его шерсть была взъерошенной, а движения — уверенными и наглыми. От него веяло опасностью.

Задира был известным в городе хулиганом. Он гонял птиц с деревьев, разорял гнёзда, ловил рыбок в пруду, а иногда даже дразнил и кусал собак. Причём не простых, а самых злых — и те, поджав хвосты, старались обходить его стороной. Говорили, что даже одна огромная дворовая собака, которой боялись все, мечтала никогда не встретиться с этим котом.

Задира одевался, как морской пират. На нём были старые, потрёпанные ботфорты, полосатая тельняшка, а на голове — широкополая шляпа, слегка перекошенная набок. За поясом торчал маленький, но острый кинжал, а рядом болтался старинный пистолет. Он важно попыхивал трубкой, из которой лениво поднимался дым, и время от времени шурился, чтобы выглядеть ещё страшнее.

— Ты куда идёшь? — грозно спросил он, медленно помахивая своим облезлым хвостом.

Его голос был хриплым и насмешливым, а вокруг стоявшие коты зашипели, поддакивая своему главарю.

— Я... я убежал от Дильфузы, — признался Дневник, дрожа всем переплётом. Ему было очень страшно. Он знал, какой это нехороший кот.

— А-а, это та девочка, которая плохо учится? — прищурился Задира.

Он знал всех плохих школьников в городе. Более того — он даже старался им подражать, ведь считал, что быть хулиганом — это почётно. И Дильфуза у него была в особом уважении.

— Д-да... — заикаясь, ответил Дневник.

— Ага! Значит, на твоих страницах одни лишь двойки? — воскликнул кот, выпуская клуб дыма. — Это хорошо! Такой дневник мне нужен. Я покажу его крокодилам — самым страшным хулиганам города — и они, когда увидят такие плохие оценки, сразу примут меня в свою банду. Им нужны только двоечники и плохие ученики!

— Нет, нет! — испугался Дневник, даже захлопнувшись от ужаса. — Не трогайте меня! Я хочу стать хорошим. Мне нужно найти хорошую ученицу, чтобы у меня были только отличные оценки!

— Чепуха! — резко отрезал Задира, ударив хвостом по земле. — Ты теперь мой! И ты останешься плохим навсегда!

Он обернулся к своим котам:

— Схватить его! Увести на окраину города! Завтра покажем его крокодилам!

Коты тут же подскочили, ухватили Дневник когтями, зубами, кто за обложку, кто за страницы, и потащили его прочь. Бумага зашуршала, уголки загнулись, а сам он едва не плакал от страха.

— Я должен подготовиться к встрече с крокодилами, — важно объяснил Задира, шагая впереди. — И доказать, что это мои оценки!

Так добрый Дневник попал в плен к котам-пиратам.

А на следующее утро Дильфуза, ничего не подозревая, пришла в школу. Она как обычно шумно вошла в класс, бросила портфель на парту и лениво открыла его. Но когда на уроке ей снова поставили плохую оценку, она потянулась за дневником... и вдруг замерла.

Его не было. Она порылась в портфеле, перевернула тетради, заглянула под учебники. Потом наклонилась и заглянула под парту. Потом снова всё перевернула.

Дневника не было.

— Дильфуза, где твой дневник? — строго спросила учительница.

Девочка стояла растерянная, впервые не зная, что сказать.

— Не знаю... — пробормотала она. — Наверное, куда-то пропал...

— Вот видишь, — покачала головой учительница. — Даже дневник не хочет быть у тебя... Так вот, Дильфуза, пока не найдёшь дневник, на уроки не приходи больше.

Дильфуза фыркнула, пожала плечами и вышла из класса. «Домой не хочу — там меня поругают папа и мама, — подумала она, идя по коридору. — Лучше схожу в цирк! Там сегодня классное представление!»

И она направилась в цирк.

Цирк стоял на большой площади — яркий, шумный, украшенный флагами и разноцветными огнями. Огромный купол поднимался над городом, как сказочный шатёр. Возле входа толпились люди: дети смеялись, взрослые разговаривали, продавцы предлагали сладкую вату и воздушные шарик. Повсюду звучала музыка, а изнутри доносились голоса и смех.

На афише были нарисованы клоуны с красными носами, акробаты, парящие под куполом, и дрессировщики с тиграми, стоящими на задних лапах. Большими буквами было написано: «Для детей вход бесплатный».

Но у входа стояла толстенькая билетерша. Это была женщина с круглым лицом и строгим выражением глаз. На ней была форменная жилетка, а в руках — маленький билетный щипчик. Она внимательно смотрела на каждого, кто подходил.

Взрослых она останавливала и требовала билеты, а у школьников задавала вопросы, прищурившись, словно проверяла их на честность.

И Дильфуза, насвистывая, направилась прямо к входу...

— Я школьница — значит, мне бесплатно можно войти, — сказала Дильфуза, уверенно подходя к билетерше.

— Всё правильно! — кивнула та, прищурившись. — Но вход бесплатный только для тех, кто хорошо учится! Покажи дневник с хорошими отметками, я посмотрю, а потом пуцу.

— Но у меня нет дневника, — развела руками Дильфуза. — Он исчез.

— Плохо, очень плохо, — покачала головой билетерша, поджав губы. — Если дневники сбегают от учеников, значит, они плохо учились. Таких школьников мы не пускаем в цирк! Наши артисты показывают свои номера только для хороших детишек!

— Подумаешь, — фыркнула Дильфуза, отворачиваясь. — А я вовсе и не хотела смотреть на всяких там фокусников, жонглёров, акробатов... Лучше я схожу в кино и посмотрю «Ералаш».

И она направилась в кинотеатр.

Здание кинотеатра было большое, с яркими афишами у входа. На них улыбались герои фильмов, светились названия, а изнутри доносился запах попкорна и тихий гул голосов. У входа стояла администратор — стройная женщина в аккуратной форме, с собранными в пучок волосами и строгим, внимательным взглядом. В руках у неё был список и ручка, и она внимательно проверяла каждого посетителя.

— Девочка, покажи дневник, — сказала она, остановив Дильфузу. — Нам нужно убедиться, что ты хорошо учишься.

Дильфуза замялась.

— У меня... нет дневника...

— Тогда и кино ты посмотреть не сможешь, — строго ответила администратор, даже не улыбнувшись.

Пришлось девочке уйти. Тогда она направилась в парк аттракционов. Там всё крутилось, звенело и сверкало: карусели вращались, разноцветные огоньки мигали, дети смеялись, катаясь на машинках и качелях. Воздух был наполнен радостью и весельем.

Но и там её ждало разочарование. Сотрудники аттракционов, одетые в яркие жилеты, тоже спрашивали у неё дневник. Они внимательно смотрели на неё и качали головами, когда она не могла ничего показать.

Продавщица мороженого — полная женщина в белом фартуке — тоже отказалась дать ей пломбир, узнав, что Дильфуза плохо учится.

— Я даю мороженое только тем, кто старается в школе, — строго сказала она.

Даже автомат с лимонадом, мигая лампочками, вдруг выдал надпись: «Введите код хороших оценок». И как ни нажимала Дильфуза кнопки, ничего не происходило.

И только теперь девочка начала понимать, как важен дневник. Ведь именно он показывает всем, как учится школьник, старается ли он, как ведёт себя, дружит ли с другими. Без дневника никто не верит, что ты хороший ученик. А плохие оценки, как оказалось, закрывают дорогу даже в самые весёлые и сказочные места — в цирк, кино и парк аттракционов.

— Э-э... — опечалилась Дильфуза, опустив голову. — Действительно, мне нужно срочно найти свой дневник... И нужно хорошо учиться...

Она вернулась домой и стала искать дневник по всей квартире. Она заглядывала под кровать, переворачивала подушки, перебирала вещи, даже открывала шкафы и ящики. Но дневника нигде не было.

Устав, она села на стул и вдруг заплакала. Слезы тихо покатались по её щекам, и впервые ей стало по-настоящему грустно и стыдно. Тетради и учебники, увидев, что их хозяйка опечалилась, пожалели её.

— Дневник ушёл от тебя, потому что ты обидела его! — сказала тетрадь по арифметике, аккуратно перелистывая свои помятые страницы.

— Но я его не ругала! — удивилась Дильфуза, всхлипывая.

— Ты обидела его тем, что получала плохие оценки, — объяснил альбом по рисованию, на страницах которого виднелись кривые рисунки и кляксы. — У меня много твоих двоек, но у Дневника — больше! Ему было очень стыдно, что его хозяйка такая двоечница.

— Но я решила стать хорошей! Я больше не буду! Помогите мне найти дневник! — взмолилась Дильфуза.

Тетради и учебники переглянулись и, немного подумав, поверили ей.

— Он ушёл ночью на улицу, — сказали они. — Где он сейчас — мы не знаем. Но если ты возьмёшь нас с собой, мы поможем тебе его найти.

Дильфуза обрадовалась. Она быстро вытерла слёзы, аккуратно собрала все тетради и учебники — впервые за долгое время сложив их бережно — и положила в портфель.

Затем она вышла на улицу. Там было тепло и солнечно. Лёгкий ветерок ласково шевелил листья деревьев, на клумбах расцветали яркие цветы — красные, жёлтые, синие. Птички звонко пели, перелетая с ветки на ветку, кузнечики стрекотали в траве, а пчёлы жужжали, перелетая с цветка на цветок. Всё вокруг было живым, радостным и красивым.

Но где же найти дневник? Дильфуза остановилась посреди тротуара, огляделась по сторонам и растерянно замерла.

— Давай спросим у воробья, — предложил толстый карандаш, выбравшись из коробочки и важно покачиваясь. — Он всё знает, ведь везде прыгает и летает.

— Это ты хорошо придумал, — согласилась Дильфуза и подошла к воробышку.

Воробышек был маленький, кругленький, с пушистыми серо-коричневыми перышками. Он смешно подпрыгивал на тонких лапках, то наклоняя голову набок, то резко поднимая её, будто всё время чему-то удивлялся. Его глазки-бусинки блестели, а клювик быстро-быстро щёлкал, когда он выискивал в земле червячков.

— Дорогой воробышек! Здравствуй. Ты случайно не видел мой дневник?

— Чик-чирик, чик-чирик, конечно видел! — весело ответила птичка, взмахнув крыльшками. — Меня зовут Прыг-Скок, и я всё замечаю! Вчера вечером его схватил кот Задира!

— Ой-ой-ой! — запищали тетради и ручки в портфеле. — Это очень злой-презлой кот! Морской пират!

— А зачем Задире мой дневник? — встревожилась Дильфуза.

Воробей удивлённо посмотрел на неё, широко раскрыв свои круглые глазки и даже перестал на мгновение прыгать.

— Ха! Разве ты не знаешь? Чик-чирик! Каждый, кто хочет стать настоящим хулиганом, должен показать дневник с плохими оценками! А у тебя, Дильфуза, самые плохие оценки в городе, не правда ли?

Девочка смутилась и опустила глаза.

— А кому Задира хочет показать мой дневник? — тихо спросила она.

— Как кому? Чик-чирик! — оживился Прыг-Скок. — У нас в городе есть самые известные хищники-пираты — крокодилы! Вот им Задира сегодня и покажет твой дневник, скажет, что это его! Тогда крокодилы примут его в свою банду!

— Надо спасти мой дневник! — решительно сказала Дильфуза. — Как же я без него? Меня в школу не пустят, и вообще никуда...

— Чик-чирик, но ведь там у тебя одни двойки, — заметил воробей, наклоняя голову. — С такими оценками тебя и так никуда не пустят. Зачем тебе волноваться за такой дневник?

— Ты ничего не понимаешь! — рассердилась Дильфуза и даже топнула ножкой так, что пыль поднялась с тротуара. Её глаза загорелись, а голос стал твёрдым. — Он стал таким из-за меня! И я решила исправиться! Я стану хорошей, прилежной ученицей! И в моём дневнике теперь будут только пятёрки и четвёрки!

— Чик-чирик, это хорошо, — одобрительно кивнул Прыг-Скок. — Тогда я тебе помогу. Нам нужно пробраться в старый заброшенный дом, где живёт пират Задира и его коты-собратья.

Но пока Дильфуза разговаривала с воробьём, неподалёку, на краю клумбы, сидела жирная муха по имени Копчёнка.

Это была большая, лениво двигающаяся муха с тёмными, чуть блестящими крылышками и круглым брюшком. Её лапки были вечно липкими и грязными, а сама она жужжала противным, назойливым голосом. Она любила садиться на всё подряд — на остатки еды, на грязные тарелки, на мусор — и потом с удовольствием разгуливать по чистым вещам, оставляя после себя невидимую грязь.

Копчёнка всё услышала и задумалась.

Дело в том, что муха была очень вредной. Ей нравилось доедать остатки еды после Дильфузы, пачкать чистую скатерть своими грязными лапками и вообще жить в беспорядке. А ещё ей очень нравилось, что сама Дильфуза была неопрятной — тогда девочка, как ей казалось, становилась почти «своей». Но теперь, если Дильфуза исправится, станет аккуратной, начнёт мыть руки с мылом, убирать за собой — для Копчёнки это будет настоящая беда. «О-о-о, этого нельзя допустить!» — решила муха и, громко жужжа, взмыла в воздух.

Она полетела прямо к старому заброшенному дому.

Дом этот стоял на окраине города — покосившийся, с выбитыми окнами, скрипучими дверями и облупившейся краской. Внутри было темно, сыро и пахло пылью. Именно там и обосновался кот Задира со своей шайкой.

Копчёнка влетела внутрь и увидела Задиру. Он развалился в старом кресле-качалке, которое жалобно скрипело под его весом. Кот лениво раскачивался вперёд-назад, попыхивал трубкой и, не глядя, бросал рыбки косточки в угол комнаты. Косточки летели по дуге и с тихим стуком попадали в старое ведро или в щели между досками. Он делал это с таким мастерством, что почти никогда не промахивался. Даже среди котов города он считался чемпионом по меткости.

— Ж-ж-ж... — начала жужжать муха, кружась над его головой. — Ж-ж-ж...

— Ты чего мне мешаешь, мяу-у? — проворчал кот, лениво отгоняя лапой назойливое насекомое. — Лети отсюда, пока я тебя не съел!..

— Ж-ж-ж... — продолжила Копчёнка, упрямо кружась перед его мордой. — К тебе... ж-ж-ж... идёт... ж-ж-ж... Дильфуза!..

— Чего-чего? — кот резко выпрямился, так что кресло скрипнуло и чуть не перевернулось. Его ухо дёрнулось, глаз под повязкой прищурился, а трубка чуть не выпала изо рта. — Дильфуза? А что ей надо?

— Ж-ж-ж... ищет дневник... хочет его у тебя забрать...

— Но ведь дневник сам от неё ушёл! Значит, он ей не нужен! — раздражённо фыркнул Задира, ударив хвостом по полу.

— Ж-ж-ж... Дильфуза решила исправиться!.. ж-ж-ж... Теперь она не будет двоечницей и грязнулей...

Задира замер. Его усы вздрогнули, а глаз зло сверкнул.

— Это ещё что такое?..

Он резко вскочил и пронзительно замыкал, созывая свою шайку. Через мгновение со всех сторон начали появляться коты. Они вылезали из-под досок, спрыгивали с балок, высывались из щелей и окон. Кто-то был тощий и длинный, кто-то короткий и коренастый, у одних шерсть торчала клочьями, у других была вся в репьях. У всех были хитрые, недобрые морды и острые, наточенные когти. Они окружили Задиру, глядя на него с ожиданием.

— Коты! — закричал Задира. — К нам идёт Дильфуза! Она хочет отнять у меня дневник и стать отличницей! А я не смогу стать самым плохим в городе! Крокодилам надо увидеть мои плохие оценки! Только тогда я стану членом их банды!

— Мяу-у-у! — зло замыкали коты. — Это плохо! Мяу-у-у!

— Поэтому всем сесть у окон и не пускать Дильфузу в дом! А я пока перепрячу дневник!

Коты тут же разбежались по местам. Одни запрыгнули на подоконники, другие затаились на чердаке, третьи спрятались в траве и за обломками досок. Они прижались к земле, прищурились, их хвосты нервно подёргивались. Некоторые точили когти о старые доски, оставляя глубокие царапины, другие тихо урчали, предвкушая драку.

А тем временем Задира подошёл к клетке. Внутри, среди пыли и паутины, сидел бедный Дневник. Его страницы были помяты, уголки загнуты, а обложка испачкана. Он выглядел усталым и напуганным.

— Вставай, мяу! — приказал Задира. — Нам нужно уходить! Мяу-у!..

— Отпусти меня к Дильфузе! — попросил Дневник, дрожа.

— Нет, ш-ш-ш! — прошипел кот, выпуская острые когти. — Ты мой! Мяу! А твоя Дильфуза сейчас получит хорошую взбучку от моих котов!

— Дильфуза здесь? — воскликнул Дневник. Его страницы затрепетали от волнения. — Значит, она пришла за мной? Значит, она решила стать хорошей девочкой!..

— Да, мяу, и это плохо! Плохо для неё! — злобно усмехнулся Задира.

Он быстро обмотал Дневник верёвками, крепко связав его, и, ухватив зубами, потащил к щели в стене. Дневник сопротивлялся, шуршал страницами, пытался вырваться, но кот был сильнее.

— Пусти меня! Пусти! — кричал он, но Задира не обращал внимания и тащил его дальше.

А тем временем Дильфуза подошла к дому. Он сразу ей не понравился. Дом был старый, перекошенный, с выбитыми окнами, через которые свистел ветер. Крыша провалилась в нескольких местах, доски скрипели, стены были покрыты трещинами. От него веяло сыростью, запустением и какой-то скрытой опасностью, словно сам дом не хотел, чтобы туда входили.

— Вы уверены, что дневник здесь? — спросила Дильфуза, остановившись.

— Конечно, — ответил воробышек. — Только плохие зверята прячутся в таких местах. Злые коты любят полумрак — там не видно, как они делают нехорошие поступки!

— Тогда вперёд! — решительно сказала девочка и ускорила шаг.

Воробей взмыл вверх, облетел дом и вдруг заметил котов. Они прятались повсюду: в щелях, на окнах, на крыше, в траве. Их было много — слишком много. Глаза светились, когти были готовы к атаке, а хвосты нервно подёргивались. Они ждали.

Воробей испугался и тут же вернулся к девочке.

— Чик-чирик! Там злые коты! Они ждут, чтобы напасть на тебя! Чик-чирик!

Но Дильфуза не была трусишкой. Она умела постоять за себя. В школе её побаивались даже старшеклассники. А котов она и вовсе не боялась. Она спокойно открыла портфель, достала свою любимую рогатку, нагнулась, подобрала с земли гладкий камешек, вставила его в резинку и натянула её до упора. Её глаза сузились, она прицелилась, словно настоящий стрелок.

— Ну, коты, держитесь! — сказала она.

Первой её целью стал толстый рыжий кот по имени Пират. Он был огромный, ленивый на вид, с жирным брюхом и наглой мордой. Его рыжая шерсть торчала клочьями, а глаза были хитрыми и злыми. Птички ненавидели его, потому что он часто нападал на них и ловил.

Дильфуза не колебалась.

— Вжи-и-ик! — просвистел камень.

Она была настоящим мастером. В школе её не зря называли «Робин Гудом в юбке». Её выстрелы почти никогда не промахивались. Камень точно попал Пирату в лоб.

Кот взвыл, подпрыгнул и кубарем скатился в траву.

— Мяу-у-у! Мяу-у-у! — жалобно завопил он, бегая кругами. На его лбу быстро выросла большая шишка.

Остальные коты испуганно зашевелились. Но Дильфуза уже прицеливалась во второго.

Тот сидел в дупле дерева, готовясь прыгнуть на неё сверху. Но не успел. Камень ударил его прямо в лапу. Кот зашипел, отдернул лапу и спрятался глубже в дупле, жалобно вылизывая рану. Больше он и не думал высовываться.

И теперь коты уже не казались такими смелыми...

— Спасайся, кто может, мяу-у! — завопили коты, и вся их шайка, забыв про грозный вид, бросилась врассыпную. Кто прыгнул в кусты, кто — на крышу, кто — в щели между досками. Только хвосты мелькали да раздавалось испуганное мяуканье.

Дильфуза, книжки и воробей весело смеялись им вслед. Девочка даже опустила рогатку и довольно улыбнулась — впервые её меткость пригодилась для хорошего дела.

Затем они осторожно пробрались внутрь дома. Там было пусто: только скрипели доски, в углах висела паутина, а по полу валялись старые тряпки и рыбы кости.

— Где же мой Дневник? — спросила Дильфуза, оглядываясь по сторонам.

— Пи-пи-пи, его уволок кот Задира, пи-пи-пи, — раздался тонкий голосок.

Из маленькой норки выглянула мышка по имени Семечка. Она была крошечная, серенькая, с острым носиком и блестящими чёрными глазками. Её усики дрожали, а лапки нервно перебирали.

— Я видела, пи-пи-пи, как Дневник плакал и просил его отпустить, пи-пи-пи, но кот его не отпустил!

— И куда же он его потащил?! — возмутилась Дильфуза. Её лицо стало серьёзным, а в глазах появилась тревога. Теперь она уже не злилась — ей было по-настоящему жалко свой Дневник. И она понимала, что во всём виновата сама.

Мышка шмыгнула носом и сказала:

— Пи-пи-пи, конечно, понёс к крокодилам. Сегодня Задира хочет показать им, что он самый плохой кот...

— А где же мне найти крокодилов? — опечалилась Дильфуза, и её голос дрогнул.

Семечке стало её жалко.

— Они живут в болоте. Возьми меня с собой, я покажу дорогу. К тому же Задира съел моих братьев и сестёр... я тоже хочу его наказать!

Дильфуза обрадовалась и аккуратно посадила мышку в карман. Та высунулась наружу, как маленький капитан, и стала указывать путь, то вправо, то влево.

Девочка шла вперёд, а книжки в портфеле оживлённо галдели.

— Видели, как она попала прямо в лоб? — восхищённо сказала тетрадь.

— Какой был точный выстрел! — добавил учебник.

— А как он завопил: «Мяу-у-у!» — засмеялся альбом.

Они вспоминали бой, перебивая друг друга, и даже немного гордились своей хозяйкой.

Но вдруг над Дильфузой снова закружилась муха Копчёнка.

— Ж-ж-ж... всё равно тебе не найти Дневник... ж-ж-ж... и не стать хорошей девочкой!..

Она мельтешила перед глазами, то садилась на плечо, то на нос, то на руку. Дильфуза раздражённо отмахивалась, но муха ловко уворачивалась и только сильнее мешала.

Воробей не выдержал. Он стремительно взмыл вверх, сделал круг и вдруг — раз! — клюнул. Муха даже не успела понять, что произошло. Через мгновение она исчезла — оказалась у воробья в желудке.

— Чик-чирик! — довольно сказал он, расправляя крылышки. — Теперь она никому не навредит!

Так друзья прошли поляну и зашли в лес.

Лес встретил их тишиной и прохладой. Солнечные лучи пробивались сквозь густые ветви, на земле лежали тени, а где-то вдали тихо шелестели листья.

— Подожди, Дильфуза! — вдруг остановила её Семечка. — Здесь нам нужно пройти мимо страшного паука Ядоплюя.

— П-пау-ука? — заикаясь, переспросила девочка. Она сразу побледнела. — А можно его обойти?

— Чик-чирик, нельзя! — сказал воробей. — В болото ведёт только эта дорога.

Дильфуза тяжело вздохнула и пошла дальше. Книжки в портфеле притихли — даже самые разговорчивые замолчали от страха. Она сделала несколько шагов... и вдруг споткнулась о корень старого дерева.

— Ай! — вскрикнула она и упала прямо вперёд.

И тут же прилипла. Паутина оказалась огромной и липкой, как клей. Руки, ноги, одежда — всё мгновенно приклеилось к её тонким, но прочным нитям. Чем больше Дильфуза дёргалась, тем сильнее запутывалась.

А где-то в глубине своей сети уже шевелился хозяин. Паук Ядоплюй. Он был большой, чёрный, с длинными, изогнутыми лапами и блестящим, как лак, телом. Его глаза сверкали, а жвалы двигались, будто он уже пробовал свою добычу на вкус.

— О-го-го... ш-ш-ш... — прошипел он, подбегая ближе. — Это хорошо... это вкусно... Не дёргайся, девочка... всё равно я тебя съем...

Но Дильфуза не собиралась сдаваться. Она изо всех сил подтянула к себе портфель, с трудом освободив одну руку, и, не раздумывая, со всей силы размахнулась.

Бах! Портфель ударил паука прямо по голове. Тот взвизгнул и от неожиданности сам упал в паутину, запутавшись в собственных нитях.

— Получай! — закричала Дильфуза, снова и снова ударяя его. — Понравилось? Получай! Будешь знать, как нападать!

— Ой-ой-ой! — завопил Ядоплюй. — Больше не буду! Не буду!

Тем временем мышка Семечка ловко выскочила из кармана школьницы и, не теряя ни секунды, вцепилась острыми зубками в липкие нити паутины. Она быстро-быстро перегрызала их, словно маленькие ножницы. Воробей тоже не остался в стороне: он подпрыгивал, взмахивал крылышками и своим крепким клювом перекусывал самые толстые и прочные нити. Паутина трещала, рвалась, липкие волокна тянулись и обрывались, и вскоре Дильфуза почувствовала, что может двигаться.

Она осторожно высвободила руки, потом ноги, и наконец полностью освободилась. Девочка встала, отряхнула платье от пыли и паутины и строго посмотрела на паука, который теперь сам лежал, запутавшись в собственных нитях.

— Чтобы больше я тебя здесь не видела! — пригрозила она, нахмурившись. — Иначе сильно накажу! Вот!

Ядоплюй только тихо зашуршал лапками и ничего не ответил. Он уже жалел, что связался с такой смелой девочкой. «Лучше бы я шил одежду...» — подумал он, вздыхая. И, надо сказать, позже он действительно изменился: стал добрым, научился ткать не паутину-ловушку, а настоящие ткани и начал шить зверятам одежду — штанишки, платьица, рубашки. К нему приходили зайцы, белочки, ёжики, и он помогал всем. С тех пор его перестали звать Ядоплюем, а дали новое имя — Портняжка. Но это было потом...

— Теперь осталось недалеко, — сказала мышка, снова забираясь в карман.

— Подождите, — остановилась Дильфуза. Она задумчиво прищурилась. — Хотя я училась плохо, но умею делать кое-какие «подарки». Раньше я ими пугала прохожих... а теперь ими попугаю крокодилов!

Она достала из портфеля спички, бенгальские огни, нитки и начала что-то мастерить, ловко скручивая, связывая и прилаживая детали. Её пальцы двигались быстро и уверенно, а на лице появилась хитрая улыбка.

А тем временем кот Задира уже добрался до болота, таща за собой связанный Дневник.

Ох, это было страшное место. Болото тянулось далеко-далеко, всё покрытое вязкой, чёрной жижей. Вода в нём стояла неподвижно и пахла так плохо, что даже воздух казался тяжёлым. Из трясины поднимались пузырьки, иногда слышалось бульканье, а между кочками ползали пиявки. Комары тучами кружились над водой, жужжа противным звуком. По краям сидели злые лягушки, тарасили глаза и громко квакали.

И среди всего этого ужаса жили три огромных крокодила. Одного звали Крекс, другого — Пекс, а третьего — Фекс.

Крекс был самый большой и самый злой. Его пасть была широкой, полной острых зубов, а глаза холодно блестели. Он любил смеяться, когда кому-то было плохо, и особенно наслаждался, когда мучил других.

Пекс был чуть меньше, но не менее опасный. Он всё время плакал — даже когда злился. Из его глаз текли слёзы, но это не мешало ему обижать всех подряд. За это его и прозвали Плаксивым Пексом.

А Фекс был самый странный. В лапах он всегда держал гвоздь и любил тыкать им во всё подряд. Его смех был громкий и неприятный, а глаза блестели от злости. Его называли Гвоздодёром Фексом.

В этот момент все трое сидели на своём пне, как на троне, и мучили бедного попугая Кешку.

Кешка был большой, ярко-жёлтый, с длинным хвостом и умными глазами. Но сейчас он выглядел испуганным: прыгал по клетке, метался из стороны в сторону, пытаясь вернуться от палки, которой его дразнили крокодилы. Иногда он не успевал — и тогда перья вылетали из его крыльев и кружились в воздухе.

— Ха-ха-ха! — хохотал Крекс, щёлкая зубами. — Смотрите, как он прыгает!

— Надо его камнем стукнуть... хе-хе-хе... — протянул Пекс, утирая слёзы.

— Не-эт! Хо-хо-хо! — захохотал Фекс, поигрывая своим гвоздём. — Лучше я его уколою!

В этот момент к ним подползла жаба по имени Холодные Глазища. Она была большая, скользкая, с серо-зелёной кожей и холодными, неподвижными глазами, от которых становилось не по себе. Её голос был хриплый и неприятный.

— Ква-ква, ваше хулиганство, — проквакала она. — Пожаловал кот Задира. Он просит встречи с вами.

— Что ему надо? — грозно спросил Крекс, не отрываясь от своей забавы. — Ему же сказано: пока не докажет, что самый плохой — сюда не приходите!

— Да-да, — подхватили Пекс и Фекс. — Нечего нас тревожить!

Холодные Глазища квакнула и сказала:

— Он, ква-ква, хочет показать дневник... в котором самые плохие оценки... ква-ква!

— О-о-о! — с уважением протянул Фекс, лениво ковыряясь гвоздём в зубах. Между его острыми клыками застряли кусочки мяса, рыбы косточки и какие-то тёмные остатки, которые он с удовольствием выковыривал и облизывал. — Если Задира плохо учился в школе, то за это он достоин называться самым плохим и быть принятым в нашу крокодилово-лягушачью банду!

— Я слышал, что в школе самая настоящая двоечница — это Дильфуза, — сказал Крекс, лениво щёлкая зубами. — Вот её бы нам взять в банду!

— Но раз Задира её переплюнул, то стоит его принять, — заметил Пекс. Он в это время пытался просунуть камень сквозь прутья клетки, чтобы стукнуть попугая, но камень не пролезал. Пекс сердито сопел, слёзы текли у него по щекам, а злость только усиливалась.

— Так что мне сказать коту, ква-ква? — спросила Холодные Глазища.

— Пусть идёт к нам! — разрешили крокодилы.

Жаба кивнула и, тяжело плюхаясь, прыгнула обратно в болото.

Вскоре перед глазами болотных владык появился Задира. Он шёл важно, покачиваясь, а за ним двигались пятеро самых злых котов. Они были грязные, исцарапанные, с рваными ушами и злыми глазами. Их шерсть торчала клочьями, а хвосты нервно дёргались. В зубах и лапах они тащили связанный Дневник.

Сам Задира выглядел особенно грозно: на нём были высокие ботфорты, полосатая тельняшка, широкополая шляпа. В зубах торчала дымящаяся трубка, а в лапе он размахивал саблей. Он выглядел настоящим морским разбойником.

Фекс даже приподнялся на своём месте, с интересом разглядывая саблю. «Вот бы и мне такую вместо гвоздя...» — подумал он, завистливо прищурившись.

— Мы слушаем тебя, Задира! — сказал Крекс.

— Я хочу вступить в вашу банду и для этого принёс свой Дневник!

— Неправда! Я не его! — закричал Дневник, но один из котов тут же зажал ему рот лапой.

— Чего это он говорит? — подозрительно покосился Пекс.

— Это он возмущается, что его раньше не показывали, ваше хулиганство, — поспешно ответил Задира, выпуская клуб дыма.

— А действительно, почему ты его нам раньше не показывал? — хмыкнул Фекс. — Мы бы тебя сразу приняли!

Но Задира не растерялся:

— А потому, что я, ваше хулиганство, старался набрать как можно больше двоек, чтобы у вас не было никаких сомнений!

— Это хорошо! — довольно закивали крокодилы. — Давай, показывай!

Коты развязали Дневник, но один из них продолжал держать его за обложку, прижимая страницы, чтобы он не смог ничего сказать.

Крокодилы наклонились ближе. И когда они увидели страницы, густо исписанные двойками и единицами, их глаза загорелись. Цифры словно прыгали перед ними — кривые, жир-

ные, с красными чернилами. А рядом — замечания: «Плохое поведение», «Не слушается», «Родителей срочно в школу!»

Крокодилы задрожали от удовольствия.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Крекс, ударяя хвостом по воде.

— Вот это оценки! — всхлипывал от радости Пекс, вытирая слёзы.

— Великолепно! — захохотал Фекс, размахивая гвоздём.

— Задира, ты молодец! — сказал Крекс и даже погладил кота своей тяжёлой когтистой лапой. — Мы принимаем тебя в нашу банду!

— Мур-р-р! — довольно замурлыкал Задира. — Теперь я — признанный хулиган!

— И не мечтай!

Голос прозвучал громко, уверенно и сердито. Задира вздрогнул и чуть не поперхнулся дымом из трубки. Крокодилы от неожиданности захлопнули пасти. Попугай Кешка встрепнулся в клетке, расправил крылья. Лягушки, сидевшие у трона, в панике плюхнулись в болото, поднимая брызги.

— Это кто там командует?! — возмутился Пекс, нахмурившись. Он недовольно зашевелился и сердито ударил хвостом по воде.

— Это я — Дильфуза!

Из-за деревьев вышла девочка. Она шла прямо, не боясь, с серьёзным лицом. На одном её плече сидел воробей Прыг-Скок, на другом — мышка Семечка. Оба внимательно смотрели вокруг, готовые помочь в любую минуту. Портфель слегка покачивался за спиной, и оттуда доносился тихий шёпот книжек, подсказывающих ей, что делать.

— А-а... это та школьница, которая плохо учится? — насмешливо протянул Фекс.

— Нет, — твёрдо ответила Дильфуза, шагнув вперёд. — Это школьница, которая будет учиться хорошо!

Она нахмурилась и указала на кота:

— Отдайте мой Дневник!

— Это Дневник Задиры! — возразил Крекс, прищурился и незаметно махнул хвостом своим товарищам. Его огромная туша чуть подалась вперёд, лапы напряглись, а зубастая пасть приоткрылась — крокодилы готовились к прыжку.

— Это мой Дневник! — твёрдо повторила Дильфуза.

— Докажи! — прошипел Фекс, медленно подползая к ней. Его глаза блестели, а в голове уже рисовалась картина вкусного обеда.

Но Дильфуза всё видела. Она стояла прямо, не отступая ни на шаг.

— Эй, вы! Отпустите Дневник! — закричала она котам. — Пусть он сам скажет, кто его хозяин!

Коты переглянулись. Их уши прижались, хвосты нервно задёргались. Им совсем не хотелось связываться с девочкой, которая не испугалась ни их, ни крокодилов.

Но Задира упрямо выступил вперёд:

— Ещё чего! Мяу-у! Это мой Дневник!

Тогда Дильфуза достала из портфеля маленькую коробочку. Это была «хлопушка» — хитрая штука, которую она раньше использовала для шалостей. Маленькая, с фитильком, она выглядела безобидно, но могла громко взорваться и напугать кого угодно.

Мышка Семечка ловко подожгла шнурок. Воробей Прыг-Скок подхватил «сюрприз» и стремительно взмыл в воздух. Сделав круг, он точно прицелился и бросил хлопушку прямо в широко раскрытую пасть Крекса, который уже собирался схватить девочку.

— Бах!!! — раздался оглушительный взрыв.

У Крекса разом вылетели все зубы, они разлетелись в разные стороны, как белые камешки. Язык у него свернулся в узел, а сам он, ошарашенный, только хлопал глазами и не мог ни слова сказать.

Остальные крокодилы замерли от ужаса. А Дильфуза уже держала в руках ещё несколько таких «сюрпризов».

— Бежим! — завопил Фекс и, не раздумывая, бросился прочь.

Пекс же замешкался. Он моргал, пытался понять, что произошло... и в этот момент рядом с ним упала ещё одна хлопушка.

— Бах!!! — и Пекс взлетел вверх, словно его подбросили невидимые руки, и с грохотом застрял в ветвях дерева, повиснув среди листьев и веток. Он жалобно всхлипывал, запутавшись и не зная, как слезть.

— Ура-а-а! — закричал попугай Кешка в клетке, радостно хлопая крыльями.

— Ура-а-а! — подхватил Дневник.

Фекс тем временем с визгом плюхнулся в болото и уплыл, только круги по воде остались. Коты в панике разбежались. Шерсть у них встала дыбом, они спотыкались, падали, толкались — лишь бы подальше от опасной девочки.

Задира тоже хотел убежать, но Дильфуза успела схватить его за хвост.

— Подожди-ка, хулиган! — сказала она, подтягивая его к себе. — Значит, это твой Дневник?

— Нет-нет, мяу-у! — испуганно замыкал кот, дрожа. — Я... я просто пошутил!

— Пошутил, говоришь? — прищурилась Дильфуза. — А кто хотел стать главным хулиганом? Кто носит пиратскую форму и курит трубку?

— Это было раньше! — жалобно замыкал Задира. — Я исправлюсь! Я буду ходить в школу, носить форму, получать хорошие оценки! У меня будет свой дневник!

— Обещаешь?

Кот быстро-быстро закивал. Дильфуза отпустила его.

Тем временем Семечка открыла клетку, и попугай Кешка вылетел на свободу. Он радостно вспорхнул, сделал круг в воздухе и сел на плечо девочке рядом с Прыг-Скоком. Птички переглянулись, чирикнули и сразу подружились.

Дневник подбежал к Дильфузе, его страницы чуть дрожали.

— Я больше никогда от тебя не уйду! Прости меня!

— Это ты меня прости, — тихо сказала девочка. — Я сама виновата. Я плохо училась и заставляла тебя краснеть...

Дневник сразу её простил.

Они все вместе вернулись домой. Дорога уже не казалась страшной — солнце светило ярче, лес шелестел приветливо, а даже болото осталось позади, как дурной сон.

С тех пор Дильфуза стала прилежной ученицей. Она аккуратно писала, внимательно слушала на уроках и старалась изо всех сил. В её дневнике теперь красовались только пятёрки и четвёрки.

И за это её действительно пускали бесплатно в кино, в цирк и в парк.

А в цирке, между прочим, выступали её друзья: мышка Семечка ловко бегала по канату, воробей Прыг-Скок показывал воздушные трюки, а попугай Кешка громко объявлял номера и шутил со зрителями.

Кот Задира тоже изменился. Он пошёл в школу, получил свой дневник и стал старательно учиться. Он больше не курил трубку, не обижал слабых и даже помогал младшим. За примерное поведение ему однажды вручили Почётную грамоту.

А крокодилов больше никто не видел. Говорили, что они ушли далеко-далеко, в дремучие болота, где решили открыть школу для самых непослушных зверей... но, говорят, сами же

первыми стали там учениками, потому что без знаний даже злым хулиганам в жизни очень трудно.

И с тех пор в городе говорили: если хочешь попасть в самые весёлые и чудесные места — учись хорошо, будь добрым и смелым, как Дильфуза.

ДЛИННЫЕ НОГИ И ПИРОЖНАЯ МАСТЕРИЦА БОЛОТ

В одном тёплом-претёплом болоте, где вода была мягкая, как парное молоко, а над гладкой поверхностью лениво покачивались зелёные ковры ряски, жила лягушка по имени Квашка. Болото это было особенное: по утрам над ним стелился серебристый туман, а к вечеру воздух наполнялся сладким ароматом цветущих кувшинок и диких трав. Между кочками журчали тонкие ручейки, а в камышах шептался ветер, будто рассказывал старинные сказки.

Квашка была лягушка не простая. У неё была ярко-зелёная, чуть золотистая на солнце кожа, большие добрые глаза и широкая улыбка, которая никогда не сходила с её мордочки. Она любила носить на голове маленький веночек из болотных цветов, а передник у неё всегда был слегка припорошён мукой. Квашка была очень добрая и весёлая — и ещё невероятно талантливая хозяйка.

Она умела печь вкусные пироги из водяных лилий, усатых рачков и ароматных водорослей. Когда она доставала пироги из печи, то начинала громко квакать, созывая всех зверей вокруг на её угощение.

Прилетали птички, жуки и стрекозы, приползали кроты и змеи, прибежали зайчики, лисички, даже медведь Тумба со своим медвежьим семейством заходил сюда по первому зову мастерицы болот.

Медведь Тумба был огромный, косматый, с густой тёмно-бурой шерстью и добродушными глазами. Несмотря на свои размеры, он был мягкий и спокойный, любил сладкое и всегда приходил, неся с собой пучок лесной малины или мёд в подарок. Его тяжёлые шаги было слышно издалека, но Квашка всегда радовалась, когда он появлялся.

Все любили поесть то, что готовила им Квашка. Её поэтому все называли Пирожная мастерица.

— Квашка, ты молодец! — хвалил её серый волк Клыкастик, с аппетитом уплетая пироги. — Мне так нравится твоё угощение!.. М-м, как вкусно!..

Клыкастик был худой, поджарый волк с густой серой шерстью и острыми, как иглы, клыками, за которые его и прозвали. Но, несмотря на грозный вид, он был справедливым и честным, а к Квашке относился с большим уважением.

— Да-да, — подхватывали другие звери. — И нам тоже по душе твои пироги! Когда ты ещё нас пригласишь?

— Скоро, гости дорогие, очень скоро, — радушно отвечала Квашка.

Ей нравилось, что звери её уважают и любят. И она уже думала, что приготовит им в следующий раз. Нужно сказать, что Пирожная мастерица не готовила один и тот же пирог много раз — она постоянно меняла и изобретала новые рецепты, поэтому все ждали, когда Квашка придумает очередной деликатес.

Вот какие у неё были рецепты: она делала хрустящий пирог с кувшинками и сладкой болотной мятой, ароматный пирог с ягодами клюквы и нежным кремом из водорослей, острый пирог с рачками и капелькой болотного перца, а ещё воздушный пирог с ромашками, мёдом и утренней росой. Каждый её пирог был особенным — с секретным ингредиентом, о котором знала только она.

Но были в лесу и такие, кто не любил Квашку. Например, её соседи по болоту — жаба Пупырька и водный уж Жаброглаз.

Пупырька была крупная, с бугристой, покрытой бородавками кожей и огромными выпученными глазами. Она всегда выглядела недовольной, а её голос был резкий и хриплый. Когда она злилась, её щеки раздувались, как пузыри.

Жаброглаз был длинный, скользкий уж с тёмной, почти чёрной чешуёй и странными жёлтыми глазами, которые казались холодными и хитрыми. Он двигался бесшумно и любил шипеть, даже когда не сердился.

Они завидовали тому, что лягушку уважают, и все к ней ходят в гости. Это их страшно злило.

— Ш-ш-ш, — шипел Жаброглаз. — Ненавижу эту Квашку, вечно задаётся своими пирогами!

— Да, кварк-кварк, — поддакивала ему Пупырька, морща морду. — Из-за того, что все ходят в гости к Квашке, нас не замечают и не любят!.. Надо за это её наказать!..

Ужу эта идея понравилась, он даже зашипел от радости, как старый паровоз — громко, протяжно, с хрипом и свистом, будто из него валил невидимый пар. И вместе с жабой стал строить злобные планы.

Они хотели, чтобы Пирожная мастерица больше не жила в болоте и звери позабыли о её существовании. «Тогда все начнут приходить к нам», — мечтали они.

Первым делом уж и жаба решили поссорить Квашку с известной разбойницей болот — цаплей Длинные Ноги.

Цапля Длинные Ноги была высокой, стройной птицей с длинным острым клювом и холодным взглядом. Её перья были серо-белые, а шаги — медленные и важные. Она ходила по болоту, как хозяйка, и все расступались перед ней. Характер у неё был крутой: если кто-то ей не нравился, она могла резко клюнуть — быстро, больно и без предупреждения. Даже медведь Тумба предпочитал не спорить с ней.

— Длинные Ноги живёт в соседнем болоте, нужно идти туда, — сказала Пупырька и запрыгала вперёд.

Жаброглаз, продолжая шипеть, пополз за ней.

Тем временем Квашка сидела у печи и придумывала новый рецепт пирога из ромашки, пиявок и клубники. Она уже записывала свои мысли в специальную Кулинарную книгу, где было очень много рецептов, как вдруг услышала тихий стон.

Удивлённая Квашка оторвалась от страниц и огляделась:

— Кто здесь стонет?..

— Это я — кузнечик Капитан, — из кувшинчика лилии выполз измождённый кузнечик.

Он был когда-то стройным и подтянутым, с ярко-зелёным панцирем, похожим на военный мундир, украшенный тонкими золотистыми полосками. На голове у него сидел чуть помятый, но всё ещё гордый шлемик из листа, а за спиной висела крошечная сабля. Но сейчас Капитан выглядел совсем иначе: его мундир был разорван, крылья помяты, а сам он еле держался на лапках — одна из них бессильно свисала, словно не слушалась хозяина. Его глаза, обычно смелые и решительные, теперь были усталыми, но всё равно не потеряли огонька храбрости.

Это был знаменитый солдат леса, который боролся с нехорошими зверями и спасал беззащитных от хищников. Говорят, что волк Клыкастик стал хорошим после того, как его перевоспитал Капитан.

Когда-то Клыкастик был грозой всего леса: его рык разносился эхом между деревьями, и звери в ужасе разбежались. Он мог обидеть слабого, отнять добычу, напугать малышей. Но однажды на его пути встал Капитан. Маленький кузнечик не испугался огромного волка — он смело бросился в бой, скакал вокруг него, отражал атаки, а главное — говорил с ним о добре и

справедливости. Долгая была та схватка, но в конце концов Клыкастик опустил голову и понял свои ошибки. С тех пор он стал защищать слабых и помогать другим.

Но сейчас Капитан был ранен... Это его укусил скорпион Вампир — чёрный, как ночная тень, с длинным изогнутым хвостом и ядовитым жалом, блестящим, словно игла. Его глаза светились холодным красным светом, а клешни были сильные и беспощадные. Он жил в паутистых сетях среди сухих коряг и ловил в плен насекомых, чтобы питаться ими.

Капитан сражался с ним, спасая королеву пчёл Медушку. Золотистая, с мягкими полосками на брюшке и прозрачными крыльшками, Медушка попала в липкие сети скорпиона. Капитан ворвался в его логово, разрубил паутину саблей и освободил пленницу. В жестокой схватке он победил Вампира, но сам был тяжело ранен.

Он потерял много крови, силы почти покинули его, и он едва-едва дополз до Квашки.

— Ой, Капитан! — испугалась Квашка. — Что с тобой случилось? Кто тебя ранил?

Капитан с трудом рассказал о своей битве. Его голос был тихим, прерывистым, он часто останавливался, чтобы перевести дух. Каждое слово давалось ему с трудом, а лапки дрожали от слабости.

— У меня нет сил... я голоден... — простонал Капитан. Он даже не мог поднять свою саблю, которая лежала рядом, тускло поблёскивая.

У Квашки было доброе сердце. Конечно, она решила помочь кузнечику. Сначала она припрыгала на поляну и собрала спелые ягоды ежевики — тёмные, сочные, блестящие, как маленькие капельки ночи. Она выжала из них густой сок, ароматный и сладкий, с лёгкой кислинкой, и дала Капитану напиться.

Сок словно оживил его: по телу пробежало тепло, глаза стали яснее, дыхание ровнее, а в лапках появилась слабая, но настоящая сила.

Затем Квашка нашла лечебные травы — мягкие листья подорожника, ароматный чабрец и горьковатую полынь. Она попросила мёда у пчёл-соседей, и те с радостью дали ей целый бочонок золотистого, тягучего мёда — ведь Капитан спас их королеву Медушку.

Полевая мышка Колосочек принесла пшеничную муку — светлую, чистую, как утренний свет. Квашка замесила тесто, добавила мёд, травы и свои особые секретные ингредиенты, и вскоре в печи зазолотился пирог.

Аромат был такой, что даже камыши будто потянулись поближе. Этот пирог был чудодейственный — стоило его немного поесть, как раны начинали заживать.

Когда пирог испёкся, Квашка отрезала кусочек и осторожно подала его Капитану.

Кузнечик откусил... и вдруг произошло чудо: его рана начала затягиваться прямо на глазах, боль исчезала, силы возвращались. Лапка перестала висеть и снова стала двигаться, словно ничего и не было. Крылья расправились, а в глазах снова вспыхнул боевой огонь.

Он встал на лапки — крепко, уверенно, как настоящий солдат.

— Спасибо тебе, Квашка, — сказал он, глубоко поклонившись. — У тебя — золотые лапки! Благодаря тебе я снова смогу защищать невинных.

Он ловко подхватил саблю, засунул её в ножны и, подпрыгнув, исчез в листве. Впереди его ждали новые подвиги.

Тем временем два негодяя — Пупырька и Жаброглаз — наконец-то достигли соседнего болота. Оно было мрачным и неприветливым: вода в нём была тёмная, почти чёрная, пахла сыростью и гнилью, а над поверхностью висел густой туман. Камыши здесь росли высокие и жёсткие, словно копья, а тишина была такой тяжёлой, что казалось — даже звук боится здесь появиться.

И посреди этого болота стояла она — цапля Длинные Ноги. Она возвышалась над водой, как сторожевая башня: длинные, тонкие ноги держали её высоко, шея вытянулась вперёд, а острый клюв блестел, как сталь. Её глаза были холодные, внимательные — они не упускали ни малейшего движения. Даже ночью она могла заметить малейшее шевеление в воде.

Она была настоящей владычицей этого места. Никто не смел нарушать её покой. Жаброглаз и Пупырька едва ступили на её территорию, как она сразу их заметила.

— Ха, ко мне идёт обед! — воскликнула Длинные Ноги и сделала два огромных шага, нависнув над ними.

— Чужестранцы! Значит, меня ждёт заморское блюдо из жабы и ужа...

Пупырька задрожала, а Жаброглаз зашипел уже не от злости, а от страха.

— Эй, эй! Мы пришли к тебе по делу! — поспешили они сказать.

— По какому ещё делу? — недовольно спросила цапля. Её желудок урчал от голода — с прошлого дня она ничего не ела. Внутри у неё будто перекатывались пустые камни, а клюв уже слегка приоткрылся в предвкушении добычи.

— Нечего зря болтать! — резко сказала она. — Лучше приготовьтесь к тому, что я вас проглочу!

— Ш-ш-ш, Длинные Ноги, — зашипел Жаброглаз. — Сначала выслушай нас! Ты слышала о лягушке Квашке?

Длинные Ноги подозрительно прищурилась, её длинная шея чуть изогнулась, а холодные глаза уставились прямо на ужа.

— Ну, слышала, — пробурчала разбойница. — И что?

— А то, что... ш-ш-ш... Квашка печёт вкусные пироги... ш-ш-ш... всех приглашает, а тебя — нет! Игнорирует... ш-ш-ш... такую великую и большую птицу! — прошипел Жаброглаз.

— Да, кварк-кварк, — подхватила Пупырька, раздуваясь от важности. — Квашка говорит, мол, не уважаю Длинные Ноги... кварк-кварк, не боюсь её!..

Эти слова мгновенно разожгли гнев в сердце цапли. Её глаза вспыхнули холодным огнём, перья взъерошились, а клюв громко щёлкнул. Вода под её ногами задрожала, а воздух словно стал тяжелее.

— Где эта негодная лягушка?! — закричала Длинные Ноги, так что эхо разнеслось по болоту. — Вот я её съем!.. Кстати... она толстая?

— О-о-о... — Жаброглаз и Пупырька закатили глаза, мечтательно причмокнув. — Ещё какая толстая... большая-пребольшая... Её сразу и не проглотишь!

— Это хорошо... это мне нравится... — протянула цапля, облизывая клюв. — Сейчас же лечу на ваше болото!.. А вы, двое, садитесь ко мне в клюв — будете показывать дорогу!..

Уж и жаба с радостью забрались в её длинный клюв. Длинные Ноги расправила огромные крылья, тяжело разбежалась по вязкой, пахнущей тиной воде и взмыла в воздух.

Ветер засвистел в камышах, грязные капли разлетелись во все стороны, а её крылья мощно рассекали воздух. Она летела быстро, словно стрела, и вскоре уже увидела знакомое болото Квашки — светлое, тёплое, наполненное запахами выпечки и цветов.

Не успела она приземлиться, как заметила Квашку у печи.

Цапля открыла клюв, чтобы издать воинственный клич... Но забыла, что в клюве у неё сидят Жаброглаз и Пупырька.

— КРА-А-А!.. — только и успела крикнуть она — и в тот же миг... ГЛОТЬ!

Оба негодяя исчезли у неё в горле. Цапля замерла на мгновение, удивлённо моргнула, потом сглотнула ещё раз.

— Хм... — пробормотала она. — Даже не заметила...

Так Жаброглаз и Пупырька сами попали в беду, которую готовили для другой — и были наказаны за свою злобу и зависть.

Но Длинные Ноги не забыла о Квашке.

— Берегись, Квашка! — закричала она сверху. — Я тебя сейчас проглочу!

И камнем спикировала вниз. С громким плеском она ударилась о воду — по поверхности пошли круги, лилии закачались, как лодочки, камыши зашелестели, а маленькие рыбки в панике метнулись в разные стороны, сверкая серебристыми спинками.

Квашка оторвалась от печи, спокойно вытерла лапки о передник и подняла глаза. Перед ней возвышалась огромная, грозная цапля. Но Квашка не испугалась. Она выпрямилась, расправила плечики, и в её глазах не было ни страха — только решимость.

— Эй, зверята, ква-ква! — громко закричала она. — Вашу Пирожную мастерицу обижают!

На её зов со всех сторон начали сбегаться звери. Первым прибежал медведь Тумба, тяжело ступая по кочкам. За ним — волк Клыкастик, потом зайчики, белочки, кроты, лисички... даже птички слетелись с веток.

Но, увидев Длинные Ноги, все остановились. Тумба нерешительно переступал с лапы на лапу, опустив голову. Клыкастик зажмурился и тихо зарычал, но не решался двинуться вперёд. У зайчат дрожали ушки, у белочек — хвостики, а птички испуганно прижались друг к другу.

Страх сковал всех.

— Ну, кто против меня?! — злоецо произнесла цапля, размахивая крыльями. Её тень накрыла поляну, клюв щёлкал, как ножницы, а глаза сверкали. Она делала шаг вперёд — и вода под её ногами тяжело плескалась.

— Кому хочется скорее попасть ко мне в желудок?! Выходи вперёд!..

Звери начали пятиться назад. Квашка поняла — без другой помощи не справиться.

— Кузнечик! Кузнечик! Ква-ква! — закричала она. — Спаси меня от разбойницы!

И её зов был услышан. В тот самый миг, когда Длинные Ноги уже занесла клюв над Квашкой, в воздухе мелькнула зелёная молния.

Это был Капитан. Он стремительно прыгнул — выше камышей, выше крыльев цапли — и приземлился прямо ей на голову. Сабля сверкнула на солнце, и...

ЗВОН! — он ударил по её клюву. Удар был точный, звонкий, как удар по колоколу.
— Ой-ой-ой! — закричала цапля, мотая головой во все стороны. Её длинная шея извивалась, крылья беспорядочно хлопали по воде, поднимая брызги.

— Кто это посмел меня ударить?! — возмущённо вскрикнула она, пытаясь разглядеть нападавшего.

А Капитан уже стоял на её голове, уверенно упершись лапками, с саблей наготове и гордым взглядом настоящего защитника.

— Это я — Капитан! — гордо ответил кузнечик, доблестно махая саблей.

Он стоял прямо на голове цапли, как настоящий командир на вершине крепости: маленький, но бесстрашный. Его зелёный мундир снова блестел, крылья были расправлены, а в глазах горел решительный огонь. Сабля в его лапке сверкала, отражая солнечные лучи, и казалось, что сам воздух вокруг него наполнился отвагой.

— А-а-а, это ты! — взревела Длинные Ноги. — Я слышала о тебе, Капитан! Берегись! Я покажу тебе, как можно нападать на меня!..

И разбойница кинулась в атаку. Она резко вытянула шею и ударила клювом, как молнией. Но Капитан мгновенно подпрыгнул — раз! — и удар прошёл мимо. Второй удар — звон! — он отразил саблей. Третий — и снова искры разлетелись в стороны.

Началась настоящая дуэль. Капитан прыгал с кочки на кочку, с крыла на голову, с головы на клюв, легко и стремительно, словно ветер. А цапля наносила удары один за другим — быстрые, резкие, сильные. Её клюв щёлкал, как стальная ловушка, разрезая воздух.

Так они долго фехтовались. Звери затаили дыхание. Никто не двигался. Даже ветер, казалось, остановился, чтобы не мешать бою. Квашка стояла у печи, прижав лапки к груди, и тихо шептала:

— Держись, Капитан... ква-ква...

Все хотели, чтобы он победил. И будто почувствовав эту поддержку, Капитан выпрямился. Хотя он уже начал уставать — его прыжки стали чуть медленнее, дыхание тяжелее — вдруг в нём словно открылось второе дыхание.

Он крепче сжал саблю. «Я не могу проиграть», — подумал он.

И тогда у него родился план. Капитан ловко поднырнул под очередной удар, схватил из воды длинный, гибкий стебель лилии и начал кружить вокруг цапли. Он прыгал всё быстрее и быстрее, словно зелёная искра.

Длинные Ноги пыталась попасть в него клювом — раз! два! три! — но всё время промахивалась.

— Стой! — закричала она. — Что ты делаешь?!

Но Капитан уже обвивал её ноги стеблем. Раз — вокруг одной ноги, два — вокруг другой, три — крепкий узел!

И вдруг...

— Сейчас! — крикнул он и резко дёрнул.

Стебель натянулся. Длинные Ноги потеряла равновесие — её длинные ноги запутались, крылья беспомощно замахали...

ПЛЮХ! — она рухнула в воду, подняв целую волну брызг. Капитан тут же вскочил ей на спину, ловко перехватил другой стебель и быстро обмотал её клюв. Узел за узлом — крепко, надёжно.

Теперь цапля не могла ни клюнуть, ни закричать. Она только удивлённо моргала.

— Ура! Победа! — закричали звери. Они запрыгали, захлопали, закричали от радости. Тумба даже хлопнул лапами так, что вода снова пошла кругами. Клыкастик радостно завыл, а зайчики закружились в пляске.

Но больше всех радовалась Квашка. Она быстро достала из печи пироги — горячие, румяные, ароматные. От них шёл такой вкусный запах, что у всех тут же заурчали животики.

Капитан, конечно, тоже проголодался. Квашка подала ему самый большой кусок — мягкий, тёплый, с золотистой корочкой и сладкой начинкой.

Он откусил — и улыбнулся. Силы сразу начали возвращаться, усталость исчезала, а настроение становилось всё лучше и лучше.

— Ешьте, дорогие мои! Ква-ква! — радостно говорила Квашка. — Угощайтесь!

Звери сели вокруг и начали лакомиться.

Тем временем Длинные Ноги лежала связанная и чувствовала, как до неё доносится этот чудесный запах. У неё заурчало в животе. Очень хотелось попробовать пирог...

Она смотрела на других — как они улыбаются, как делятся, как радуются — и вдруг задумалась. «Почему они все вместе... а я одна?..»

И неожиданно по её щекам покатились слёзы.

— Смотрите, смотрите! — закричал Клыкастик. — Длинные Ноги плачет... Почему?

— Наверное, ей стало стыдно, что она была такой плохой, — мягко сказала Квашка. — Давайте развяжем её и угостим пирогом.

— А вдруг она начнёт нас обижать? — насторожился Тумба.

— Не будет, — уверенно сказал Капитан, слегка взмахнув саблей. — Она знает, что я здесь.

Звери посоветовались — и согласились. Капитан аккуратно перерезал путы. Стебли упали в воду.

Длинные Ноги медленно поднялась. Она не выглядела грозной — наоборот, немного растерянной и даже смущённой. Она опустила голову и тихо сказала:

— Дорогая Квашка... прости меня... Я больше не буду... Можно мне попробовать твоего пирога?

— Конечно можно! — обрадовалась Квашка и отрезала самый вкусный кусочек.

Цапля осторожно клюнула... и вдруг её глаза широко раскрылись.

— Ой!.. Как вкусно! — засмеялась она. — Квашка, ты настоящая мастерица!

— Вот видишь, — сказал Капитан, — всё можно получить, если просто попросить, а не угрожать.

— Я всё поняла... — тихо сказала Длинные Ноги. — Теперь я стану хорошей!

И действительно — пирог оказался волшебным. С каждым кусочком её сердце становилось мягче, добрее, светлее. Исчезла злость, ушла гордость, и на её месте появилось желание помогать.

— Капитан... — сказала она, — возьми меня с собой... Я тоже хочу защищать лес... помогать всем...

Капитан внимательно посмотрел на неё... и улыбнулся.

— Хорошо. Но помни — защитник должен быть справедливым и добрым.

— Обещаю! — ответила она.

С тех пор Капитан и Длинные Ноги стали напарниками. Вместе они патрулировали лес и болото, защищали слабых и помогали всем, кто попадал в беду.

А после каждого похода они обязательно возвращались к Квашке. Она встречала их с улыбкой, доставала свежие пироги — с ягодами, травами, мёдом и своими секретными ингредиентами — и угощала всех.

И вот чем закончилась эта история: с тех пор в том тёплом-претёплом болоте всегда царили мир и дружба. Звери больше не боялись, а злые становились добрыми. Все знали: если рядом есть такие друзья, как Квашка, Капитан и Длинные Ноги — никакое зло не страшно.

А ещё говорили так: доброе сердце и тёплый пирог способны изменить даже самого злого разбойника. И если однажды ты услышишь вдалеке весёлое «ква-ква!» — знай: это Квашка снова зовёт друзей на угощение.

СКАЗКА О ГОРДОЙ КЛУБНИЧКЕ

У девочки Зарины жила в глазах какая-то особенная искорка — тёплая, солнечная, будто она сама была частью лета. Она была невысокой, с тёмными густыми косичками, перевязанными яркими ленточками, и смуглым лицом, на котором часто появлялась весёлая улыбка. Её ладошки почти всегда были в земле — ведь она очень любила помогать в огороде. На ней обычно был лёгкий сарафанчик, местами запачканный ягодным соком, и сандалии, в которых она бегала между грядками, как маленький ветерок.

А в огороде у Зарины росла клубника. Вы когда-нибудь пробовали настоящую, спелую клубнику? Не ту, что лежит на прилавке, блестящая и красивая, но холодная и почти без запаха... Нет. У Зарины была совсем другая клубника. Она росла под жарким, щедрым солнцем, которое ласково согревало каждую ягодку. По утрам её умывали прохладные капли росы, а после дождя листья ещё долго шуршали, стряхивая с себя прозрачные бусинки воды. Ветер мягко покачивал кустики, будто убаюкивал их, а земля, тёплая и живая, питала каждую ягодку сладким соком.

С каждым днём клубнички наливались всё больше. Их бока становились ярко-красными, с золотистыми семечками, которые поблёскивали на солнце. Мякоть становилась мягкой, сочной, и от них шёл такой аромат, что казалось — сам воздух стал сладким.

Ягоды лежали на грядках, словно рассыпанные рубины, и так и манили к себе.

Детишки, проходя мимо, останавливались, облизывались и тянули руки, но Зарина тут же подбегала и останавливала их:

— Подождите! Ещё рано! Видите — не все поспели! Потерпите немного, всем хватит!

И дети уходили, оглядываясь и вздыхая.

А клубнички тем временем росли и радовались. Они шептались между собой, тихонько посмеивались и старались чаще выглядывать из-под листьев, чтобы солнце лучше их согревало. Некоторые даже поворачивались бочком к ветру, чтобы их кожица стала гладкой и блестящей, словно отполированной.

— Смотрите, какая я стала красная! — говорила одна.

— А у меня уже семечки золотятся! — хвасталась другая.

— Скоро нас будут есть дети! — радостно шептали третьи.

Но среди них была одна клубничка, совсем не похожая на остальных. Она действительно была особенной — крупная, круглая, почти как маленькое яблоко. Её бока были налиты соком, а цвет — густой, тёмно-красный. Когда Зарина увидела её, она всплеснула руками:

— Вот это да! Какая клубничка! Прямо как яблоко! Я назову её Королевой! И её никто не будет есть! Мы будем на неё любоваться!

С этих слов всё и началось. Клубничка вытянулась, насколько могла, словно стала выше остальных. Она гордо откинула листик, который слегка прикрывал её, и с тех пор всё время держалась особняком.

Вечерами, когда ветер стихал и сад наполнялся мягким сумраком, она начинала говорить:

— Вы слышали, что сказала хозяйка? Я — самая лучшая! Я — Королева! Таких, как я, больше нет! Вы должны меня слушаться!

Остальные клубнички только тихо посмеивались:

— Мы все одинаковые. Нас всех съедят дети, и мы принесём им радость. Лучше радуйся вместе с нами!

Но Королева фыркнула:

— Фи! Это вас съедят! А меня повезут на выставку! Меня будут фотографировать, обо мне напишут в газетах! Учёные будут меня изучать! Я стану знаменитой! А потом меня поставят в музей, и тысячи детей будут на меня смотреть!

Она говорила это так уверенно, что сама начинала в это верить. Со временем она так надоела всем своим хвастовством, что с ней перестали разговаривать. Клубнички тихо переговаривались между собой, смеялись, радовались солнцу — но стоило Королеве заговорить, как вокруг неё наступала тишина.

Даже другие ягоды не выдержали. Ежевика, покачиваясь на ветке, сказала:

— Перестань воображать. Мы нужны, чтобы радовать.

Малина тихо добавила:

— Сладость — не в размере, а в доброте.

А виноград лениво протянул:

— Тщеславие никого не украшает.

Но Королева их не слушала. Она продолжала говорить о своей будущей славе.

И вот наступил долгожданный день. Солнце светило ярко, воздух был наполнен ароматами лета. Зарина пришла в огород вместе со своей старшей сестрой Азизой, мамой и папой.

Они брали ведра и аккуратно собирали клубнику. Ягоды мягко ложились в ведра, шурша листьями и тихо прощаясь с кустами. Королеву Зарина действительно сорвала отдельно. Она бережно положила её в стеклянную банку, чтобы не помять.

И стоило крышке закрыться, как клубничка тут же воскликнула:

— Вот видите! Я же говорила! Меня признали самой лучшей! Вас отправят на варенье, а меня — на выставку! Ха-ха-ха!

Зарина аккуратно отнесла банку в дом и поставила её на полку у окна, где тёплый солнечный свет мягко падал на стекло.

— Побудь пока здесь! — сказала она, ласково погладив банку пальчиком, и снова выбежала в огород помогать взрослым.

Скоро весь огород был убран. Кустики стояли лёгкие, освобождённые от тяжёлых ягод, а воздух всё ещё хранил сладкий клубничный аромат.

— Да, большой урожай у нас! — сказал папа, оглядывая несколько полных ведёр. Это был высокий, крепкий мужчина с добрым лицом и широкими ладонями, привыкшими к труду. Лоб его блестел от пота, рубашка прилипла к спине, но в глазах светилась радость. Он вытер пот рукавом и довольно улыбнулся — работа удалась.

Тем временем мама уже хлопотала у стола. Это была добрая, спокойная женщина с мягкими глазами и аккуратно убранными волосами. Она двигалась быстро, но плавно, словно всё у неё получалось само собой. Мама достала мешок сахара, большой медный таз, поставила его на плиту и начала готовить сироп.

Девочки тем временем занялись ягодами. Они аккуратно снимали зелёные хвостики, промывали клубнику в холодной воде, и ягоды становились ещё ярче, ещё аппетитнее, словно улыбались.

— Из них получится отличное варенье! — сказала мама, помешивая сироп.

— Ура-а! — радостно закричала Зарина, подпрыгнув. Она обожала варенье.

— А я хочу клубничный йогурт! — сказала Азиза.

Азиза была старше сестры, высокая и стройная, с длинными заплетёнными косами. Она любила порядок и аккуратность, поэтому ягоды чистила особенно тщательно, складывая их ровными рядами.

— Сделаем тебе и йогурт! — улыбнулась мама.

И действительно, из её рук всегда выходило что-то необыкновенно вкусное. Даже папа часто говорил:

— У нашей мамы золотые руки!

В тот же день кухня наполнилась сладким ароматом варенья. Ягоды тихо кипели в сиропе, становясь прозрачными, блестящими, словно маленькие драгоценности.

Позже мама приготовила йогурт — нежный, розоватый, с кусочками клубники.

К вечеру пригласили соседских детей. Те прибежали весёлые, шумные, с сияющими глазами. Они окружили стол, на котором стояли баночки с вареньем, миски с йогуртом, ложки и кружки. Дети смеялись, пробовали, просили добавки, облизывали пальцы и радовались от души.

Папа вдруг достал старую медную трубу и, прижав её к губам, заиграл:

— Бу-бу! Бу-бу! Бу-бу-бу!

Звук получался смешной и громкий. Мама засмеялась и села за пианино:

— Тринь-тринь!

Клавиши весело откликнулись, и музыка заполнила комнату. Дети взялись за руки и начали кружиться, топтать ногами, смеяться. Кто-то подпрыгивал, кто-то хлопал в ладоши.

— Сегодня у нас Праздник клубничного варенья! — объявил папа.

И праздник получился по-настоящему тёплым: со смехом, музыкой, сладким угощением и радостью, которая витала в воздухе.

А Королева тем временем стояла в своей банке на полке. Она смотрела сверху на всё это веселье и фыркала:

— Фи! Нашли чему радоваться! Какому-то варенью! Зато я цела! Меня будут показывать, мной будут восхищаться! А этих... отправили на варенье! Фи!

Но никто её уже не слушал.

Прошёл день, другой... неделя. В банке стало сухо и душно. Солнечный свет уже не радовал, а только высушивал её нежную мякоть. Кожица сморщилась, блеск исчез, цвет потускнел. Она стала маленькой, жёсткой, невкусной.

Никто не приходил смотреть на неё. Никто не восхищался. Она стояла одна, забытая.

И только зимой, когда за окном лежал снег, а в доме было тепло, Зарина случайно заглянула на полку.

— Ой... — удивилась она, взяв банку. — Это же моя Королева...

Она вспомнила, как весной хотела похвастаться этой ягодкой перед друзьями.

Зарина немного подумала и улыбнулась:

— Ну, ничего, не пропадёт даром и эта Королева.

Она вышла во двор, где на скамейке сидел воробышек и клевал хлебные крошки.

— Держи! — сказала девочка и бросила ему засохшую ягодку.

— Чик-чирик! Спасибо! — весело ответил воробей и тут же проглотил её.

Вот что случилось с гордой клубничкой, прозванной Королевой.

А её товарищи всю зиму радовали и детей, и взрослых. Баночки с вареньем стояли на полках, и в холодные вечера их открывали, намазывали на хлеб, добавляли в чай. Сладкий вкус напоминал о лете, о солнце, о радости.

Они были полезными, нужными и любимыми. А Королева... осталась лишь короткой историей.

Поэтому никогда не будьте воображалой и слишком гордым. Настоящая ценность — не в том, чтобы тобой любовались, а в том, чтобы приносить радость другим.

ПРО ВОЛШЕБНЫЙ ГОРШОЧЕК И РАЗБОЙНИКОВ

В одном старом, уютном городе, где по утрам звенели колокольчики лавок, а по вечерам пахло свежим хлебом и дымом печных труб, жила старушка по имени Угощайка. Была она невысокая, кругленькая, с мягкими, как пух, руками и лицом, испещрённым добрыми морщинами, словно карта прожитых лет. Глаза её всегда улыбались — даже тогда, когда губы отдыхали. Волосы, седые как первый снег, она аккуратно убирала под цветастый платок, а на плечах носила тёплый шерстяной платок, который пах корицей и чем-то ещё, очень домашним. Угощайка никогда не сидела без дела: то протирала стол, то ставила кружки, то напевала старую песенку, будто заранее готовилась к тому, что вот-вот кто-нибудь постучит в её дверь.

И стучали. Ещё как стучали. Эта старушка была известна тем, что угощала всех людей, которые приходили к ней в гости, не спрашивая ни имени, ни причины визита. Нужно сказать, в гости к ней любили ходить практически все жители города — от ребятишек с разбитыми коленками до серьёзных купцов с тугими кошельками. Потому что Угощайка угощала не просто едой — она угощала теплом, заботой и удивительным вкусом, от которого становилось светлее на душе.

Точнее, готовила эти блюда не она сама, а её Волшебный Горшочек. Стоял он на старой чугунной плите, пузатый, тёмно-глянцевый, с крышкой, которая иногда тихонько подрагивала, будто дышала. На его боках были выпараны странные узоры — то ли цветы, то ли язычки пламени, а ручки его слегка поблёскивали, словно их часто гладили. Если прислушаться, можно было уловить, как внутри него что-то тихонько шепчет, побулькивает, переговаривается — словно сам горшочек знал сотни рецептов и выбирал нужный.

Дело в том, что он умел и печь, и варить, и жарить, и тушить, и запекать — словом, всё, что должен знать настоящий кулинар, да ещё и с душой. Стоило бросить в горшочек капусту, картошку, мясо, морковь, лук, залить водой, как он начинал варить борщ — густой, наваристый, с таким ароматом, что соседи начинали выглядывать из окон и слглатывать. Пар поднимался над крышкой, пах свёклой, чесноком и свежей зеленью, а ложка в таком борще стояла почти сама. Если кто-то хотел плов, то нужно было положить туда рис, мясо, морковь, лук, специи, масло, чеснок — и вскоре деликатес был готов: рассыпчатый, золотистый, с мягкими кусочками мяса, от которого невозможно было оторваться.

— Мы хотим уху! — просили Угощайку дети, топчась у порога и заглядывая внутрь с горящими глазами, и старушка, улыбаясь, кидала в Волшебный Горшочек рыбу. Горшочек начинал тихонько петь, вода в нём становилась прозрачной, как утренний ручей, а аромат разносился такой, будто рядом журчит настоящая река. Уха получалась лёгкой, но насыщенной, с кусочками рыбы, мягкими и сочными, и каждый глоток будто согревал изнутри, как летнее солнце.

— А нам нужна молочная кашка! — говорили мамочки, принося к старушке младенцев, укутанных в одеяльца. И Горшочек, будто понимая всю важность дела, начинал работать особенно нежно: молоко не убегало, рис становился мягким, почти воздушным, и каша выходила такой ласковой на вкус, что малыши переставали плакать и тянули к ложке свои крошечные ручки. От неё пахло детством, спокойствием и чем-то таким, что нельзя было выразить словами.

— Нам бы вишнёвый пирог, пожалуйста, — говорили солидные дяди, стараясь сохранять серьёзный вид, но уже заранее облизываясь. И им Угощайка и Горшочек не отказывали. Тесто поднималось пышное, румяное, а внутри прятались сочные, тёмно-красные вишни, которые при надрезе пускали сладкий сок. Края пирога хрустели, а середина таяла во рту, оставляя лёгкую кислинку, от которой хотелось закрыть глаза и сказать: «Вот это да...»

Поэтому их любили все жители города — и старушку, и её удивительный горшочек.

А в соседнем с городом лесу жили разбойники. Слышали про них? Лес тот был густой, тёмный, с перекрученными стволами деревьев и тропами, которые будто сами уводили путника в чашу. Днём там царила тень, а ночью — шорохи, от которых мурашки бежали по спине.

Их главарём был атаман Сабля — высокий, худошавый мужчина с резкими чертами лица и острым взглядом, будто у хищной птицы. Его так прозвали, потому что он никогда не расставался со своим оружием: длинная, слегка изогнутая сабля всегда висела у него на боку, а ночью он спал прямо на траве, обняв её, как родного друга. Лезвие было наточено до такой степени, что могло рассечь волос на лету, а сам Сабля любил время от времени проводить по нему пальцем, словно проверяя — не притупилась ли его сила.

Так вот, эти разбойники грабили всех, кто проезжал мимо леса. Они отнимали всё — и деньги, и вещи, и одежду, и даже съестные припасы. Нападали быстро, словно тени, и исчезали так же внезапно. Никто не мог справиться с этими негодяями — уж больно хорошо те дрались, да и местность знали как свои пять пальцев. В конце концов купцы и путешественники стали обходить лес стороной, выбирая длинную, но безопасную дорогу, и теперь в город приходили с другой стороны, минуя опасные чащи.

Поскольку больше грабить стало некого, разбойники приуныли. Ведь сами-то они делать ничего не умели — ни шить, ни стирать, ни каблуки на сапогах подбивать и, конечно, готовить еду. И вскоре они превратились в жалкое зрелище: одежда их превратилась в лохмотья, обувь прохудилась до такой степени, что из дыр выглядывали грязные пальцы ног, а головные уборы порвались, и затылки у всех загорели до кирпичного цвета. Со стороны сам атаман выглядел как огородное пугало — худой, обтрёпанный, с перекошенной шляпой и саблей, которая казалась тяжелее его самого. Разве такого испугаешься? Разве что рассмеёшься.

Но самое главное — разбойникам нечего стало кушать, и на разбойничьем совете Сабля предложил самим добывать пищу.

Вначале они пытались поймать лесного кабана, но ведь нужно уметь охотиться, а такой науки разбойники не знали. Кабан, услышав их топот и крики, просто удирал, оставляя после себя только взрытую землю. Они хотели поставить силки на зайца, но никто не смог сплести сетки — верёвки путались, узлы расплзались, а сами разбойники только ругались да чесали затылки. Ловля рыбы тоже требует искусства и знаний: нужно соорудить удочку, накопать червей и долго сидеть у реки, терпеливо глядя на воду. Но откуда такие навыки у безграмотных разбойников? Они лишь пугали рыбу своими криками, да разгоняли её прочь.

И загрузили разбойники. Однажды они сидели у потухшего костра — кончились спички, а сами добывать огонь не умели — и, глядя голодными взглядами друг на друга, стали вспоминать прошлое. В животе у каждого урчало так громко, будто внутри поселился маленький сердитый зверёк.

— Да-а, хорошие раньше времена были... — протянул один, ковыряя палкой холодные угли. — Путники проходили мимо леса — было кого грабить... А сейчас сюда никто и носа не сунет...

— Угу, — подхватил Сабля, чувствуя, как его желудок жалобно сжимается и урчит, словно просит пощады. Он сглотнул и невольно покосился на свою шляпу, думая, а не скушать ли её, если станет совсем невмоготу. — И деньги были, и одежда... и еда...

— Э-э, давайте о еде не говорить! — вдруг взмолился один из разбойников, обхватив живот. — А то мы сейчас друг друга съедим...

— Давайте, — согласился другой, тяжело вздохнув и потирая впалые щеки. Однако, как они ни пытались заговорить о чём-то другом — о старых удачных налётах, о том, как один из них когда-то напугал целую повозку купцов, или даже о погоде, — мысли их упрямо возвращались к еде. Один вспоминал румяные пироги, другой — жирную жареную курицу, третий — сладкие пряники, и вскоре разговор снова начинал пахнуть воображаемыми ароматами. У кого-то урчал живот, у кого-то текли слюнки, а один худой разбойник даже начал жевать собственный рукав, задумчиво глядя в пустоту, словно надеялся найти в нём хоть каплю вкуса.

В конце концов они плюнули, переглянулись и, не сговариваясь, решили, что дальше так продолжаться не может — пора искать еду по-настоящему, а не в воспоминаниях.

Один из разбойников по имени Деревянный Глаз выступил вперёд. Это был долговязый, сутулый человек с лицом, словно вырезанным из старой доски: жёстким, шершавым и с занозами морщин. Один его глаз был настоящий — живой, беглый, постоянно щурящийся, а вместо второго в глазнице торчал грубый деревянный кружок, выструганный кое-как и посаженный так криво, что казалось, будто он всё время смотрит куда-то в сторону. Из-за этого выражение лица у него было одновременно подозрительное и слегка глуповатое. Ходил он странно — хромя с сразу на обе ноги, словно не мог решить, какая из них болит больше.

— Я пойду в город и постараюсь узнать, у кого можно будет отнять еду, — сказал он, почесав за ухом и прищурив свой единственный живой глаз.

— Давай, давай, — подбодрили его собратья по ремеслу, лениво шевелясь у потухшего костра. — Мы подождём тебя.

И Деревянный Глаз, прихрамывая, отправился в город. Конечно, ему пришлось оставить всё оружие в лесу — и нож, и дубинку, и даже старый ржавый кинжал, чтобы никто не заподозрил в нём разбойника. В своей обношенной, рваной одежде он выглядел скорее как жалкий путник, чем как гроза дорог. Так он и прошёл к городским воротам: медленно, сутулясь, опустив голову. Стражники лениво переглянулись, один зевнул, другой почесал бороду — и не обратили на него никакого внимания. Мало ли какие нищие бродят по стране, у каждого своя беда.

Оказавшись внутри, Деревянный Глаз оживился. Он стал ходить по улицам, стараясь выглядеть незаметным, но при этом жадно прислушиваясь к разговорам. Вокруг кипела жизнь: кто-то торговался, кто-то смеялся, где-то звенела посуда, пахло свежим хлебом, жареным луком и сладкой выпечкой. У разбойника закружилась голова от этих запахов, и он даже пару раз остановился, чтобы проглотить слюну.

И вдруг он услышал разговор, который заставил его насторожиться.

— Сегодня у бабушки Угощайки омлет! — радостно говорила одна женщина другой. — Она всех зовёт, как всегда!

— А она всех угощает? — тут же вмешался Деревянный Глаз, осторожно приблизившись. — Даже нищих?

— Конечно! — удивлённо ответили прохожие, с интересом разглядывая его деревянный глаз. — Угощайка — очень добрая старушка, она ни для кого не жалеет еды. Приходите и вы.

Они подробно объяснили дорогу, и разбойник, едва дослушав, поспешил туда, прихрамывая быстрее, чем раньше.

И вскоре он увидел дом Угощайки. Во дворе стояли столы, за которыми сидели люди — взрослые и дети — и с аппетитом ели омлет. Он был пышный, золотистый, с румяной корочкой, от него поднимался тёплый аромат яиц, масла и чего-то ещё, невероятно вкусного. Угощайка ловко доставала всё новые и новые порции из горшочка, и, казалось, тот вовсе не пустеет, сколько бы ни брали из него.

Конечно, свою порцию получил и разбойник. Он сел, схватил ложку — и начал есть. Сначала быстро, потом ещё быстрее, потом уже почти не жуя. Омлет был мягкий, нежный, словно облако, и таял во рту. Он съел одну тарелку, потом вторую, потом третью... Люди вокруг уже смеялись, поглядывая на него, а он всё ел и ел, словно боялся, что еда вдруг исчезнет.

И это было понятно: разбойник не ел уже целую неделю. В его глазах мелькало почти отчаяние, когда он подносил ложку ко рту, а руки дрожали от жадности и облегчения.

Наконец он откинулся назад, тяжело дыша, хлопнул себя по до отказа набитому брюху и выдохнул:

— Ой, как вкусно!

— Может, ещё хотите? — ласково спросила Угощайка, подойдя к нему с доброй улыбкой.

— А у вас ещё есть? — поразился разбойник, оглядывая горшочек. Только теперь он начал задумываться, как можно столько еды доставать из такой небольшой посуды. — Неужели всё это помещается в одной посудине?

— Конечно, — улыбнулась старушка. — Ведь у меня — Волшебный Горшочек! Он умеет готовить любое блюдо. Поэтому я нисколько не устаю, готовя обед для своих друзей, соседей и просто прохожих.

«Волшебный Горшочек? Вот это-то нам и нужно...» — подумал Деревянный Глаз, и в его живом глазу мелькнул жадный огонёк. Мысли закрутились быстро и ловко, как у настоящего разбойника. «Если у нас будет такая вещь, мы никогда не проголодаемся... И всегда будем сыты. А с сытым желудком — и грабить веселее!»

Он резко вскочил из-за стола, чуть не опрокинув лавку, и, даже не поблагодарив старушку, бросился прочь. Он бежал через улицы, спотыкаясь, хватаясь за стены, почти не разбирая дороги, только бы скорее добраться до леса и рассказать всё атаману.

Впрочем, Угощайка и не ждала благодарностей. Она лишь улыбнулась ему вслед и покачала головой, радуясь, что её угощение пришлось по вкусу.

— Ты молодец, — сказала она своему Горшочку, ласково погладив его тёплый бок. — Тебя сегодня особенно хвалили!

Волшебный Горшочек тихонько побулькал, словно засмеялся, и ответил:

— Спасибо, бабушка Угощайка! Завтра я ещё постараюсь сделать что-нибудь вкусное. Можно предложить горожанам пиццу.

— Вот и хорошо! — обрадовалась старушка, всплеснув руками. — Нужно для этого только приготовить продукты.

И, узнав, что именно требуется, она отправилась в продуктовую лавку. Там её, конечно, ждали с радостью: лавочник сразу выпрямился, заулыбался, стал предлагать самые свежие овощи, лучшие сыры, ароматные травы. Люди, стоявшие в очереди, приветливо кивали ей, а кто-то даже уступал место — все знали, что Угощайка готовит не для себя, а для всех.

Тем временем Деревянный Глаз, задыхаясь от бега и волнения, добрался до леса и ввалился на поляну, где сидели разбойники.

— Горшочек... — торопливо бормотал он, хватая воздух ртом. — Волшебный... у старушки... готовит всё!.. — Он махал руками, путая слова, но глаза его горели. — Всё! Понимаете? Всё, что захочешь!

— Как — всё? — не поняли разбойники, переглядываясь и морща лбы, словно от усилия мысли у них могла появиться еда.

— Поясни! — потребовал Сабля, резко вскочив и размахнувшись своей саблей так, что лезвие сверкнуло в тусклом свете угасающего дня. Он шагнул к Деревянному Глазу вплотную, навис над ним, и его тень легла на лицо рассказчика, как тёмное пятно. Атаман был уверен: стоит только погрозить оружием — и человек выложит всё до последнего слова. Его пальцы крепко сжимали рукоять, а сам он щурился, будто пытался разрезать собеседника взглядом не хуже, чем клинком.

— Этот Волшебный Горшочек делает пищу сам, ничего для этого людям делать не нужно, — поспешно заговорил Деревянный Глаз, отступая на шаг и с опаской косясь на острое лезвие. — Я съел несколько порций... много-премного людей ели... а горшочек всё готовил и готовил омлеты... и еда из него не кончалась!

— Вот это да! — с завистью вскричали разбойники, и только теперь обратили внимание на его вздувшийся живот, который натягивал рубаху так, что та вот-вот могла треснуть. — Нам бы такую вещь!

— А мы украдём горшок у старушки! — решительно сказал Сабля, и в его голосе зазвела привычная уверенность. — Придём ночью и утащим! Вот!

Эта идея пришлась всем по душе. Разбойники зашевелились, закивали, заулыбались своими редкими зубами. Когда стемнело, лес словно погрузился в густую, вязкую тьму. Луна, скрытая облаками, едва пробивалась сквозь ветви, и деревья стояли, как чёрные сторожа, шепча листвою. Тени вытянулись, стали длинными и зыбкими, а в воздухе повисла настороженная тишина.

Под покровом этой темноты разбойники тихо пробрались в город. Они крались вдоль стен, прижимаясь к домам, прячась в переулках, и их шаги были почти неслышны. Все жители спали, окна были тёмными, и лишь изредка где-то скрипела ставня или лаяла во сне собака. Даже стражники у ворот не выдержали — один сидел, уронив голову на грудь, другой прислонился к стене и тихо похрапывал.

Тем временем Деревянный Глаз, затаив дыхание, осторожно влез в дом Угощайки через окно. Внутри было тепло и тихо. На столе стоял Волшебный Горшочек — спокойный, чуть поблёскивающий в лунном свете, будто ничего не подозревающий. Разбойник на цыпочках подошёл к нему, протянул руки... и, оглянувшись, быстро стащил его со стола.

Нужно сказать, что Горшочек не спал. Он сразу почувствовал неладное — внутри него что-то тревожно забулькало, крышка едва заметно задрожала. Он хотел было зазвенеть, поднять шум, предупредить хозяйку... но Деревянный Глаз мгновенно занёс над ним топор.

— Будешь кричать — я разобью тебя на части! — прошипел он, сжав зубы.

И Волшебный Горшочек, понимая опасность, вынужден был замолчать. Его бульканье стихло, словно он затаил дыхание.

Деревянный Глаз засунул его в мешок и потащил на улицу. Там, в тени, уже ждала вся шайка — тёмные фигуры, сливающиеся с ночью, нетерпеливо переминающиеся с ноги на ногу.

— Вот, принёс, — шёпотом сказал разбойник, тяжело дыша.

— Молодец, — одобрил Сабля, кивнув. — А теперь возвращаемся в лес.

Они быстро перелезли через городские стены и устремились обратно, растворяясь в темноте, словно их и не было.

И вот вскоре они уже были в своём логове — пещере, скрытой среди камней и густых зарослей. Вход в неё был узкий и тёмный, будто пасть какого-то зверя, а внутри царил сырой холод. Стены были закопчены дымом, на полу валялись старые тряпки, обломки ящиков, кости и всякий мусор. В глубине пещеры стоял затхлый запах, от которого хотелось поморщиться.

Едва они вошли, как сразу же окружили мешок.
— Давай еду! — закричали разбойники, выхватывая Горшочек и ставя его на камень.
— Я хочу марципанов! — визжал одноногий, подпрыгивая на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.